

36812

Цена номера 40 коп.

ИЗД-ВО „ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“

Москва, Ильинка, Рыбный пер., 2, пом. 28.

**ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
● ●
НОВАЯ КНИГА:**

П. В. ВЕРХОВСКИЙ

**„ПИСЬМЕННАЯ
ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ“**

Содержание: Понятие деловой речи и пределы ее применения. Словарь современной письменной деловой речи. Морфология и синтаксис русского языка в применении к деловой речи. Стиль деловой письменной речи.

Стр. 201. Ц. 2 р. 15 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в Издательство „ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“
Москва Центр, Ильинка, Рыбный пер., 2, пом. 28,
его представительствам и во все книготорговые
организации.

XX 132
XX 191
XX 101

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

№ 15-18

1930.

МОСКВА



БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
В. П. ДОННА
СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Унитарная система принята	1
ПОДГОТОВКА НАДРОВ	
Коллективное преподавание стенографии	4
Л. Бацевич — Наш метод	5
Л. Никифоровская — Увязать преподавание стенографии с преподаванием русского языка	7
В. Гервер, В. Курчавова, А. Кац, А. Соколова — Стали с'ездовыми стенографами	11
ЧИСТКА ИДЕТ	
В. — Без вины виноватые	12
Правильная тарификация стимулирует работника	14
Р. В. — Пора оздоровить школу	16
МАШИНОПИСЬ	
Харьковская — Пересмотреть пути продвижения машинистки	17
Л. Кузьмин — Десятипальцевый метод и ревизия его	18
Р. Руднева — Я лучше знаю, где ставить запяточку	20
СТЕНОГРАФИЯ	
М. Сичиков — Пора созвать 2-ю всесоюзную конференцию стенографов	23
Проф. Л. Жирков — Русские системы стенографии	24
ДОКУМЕНТАЦИЯ	
М. Фурман и Ю. Трофимов — Множительные машины и аппараты	36
ЗА РУБЕЖОМ	
Мелкие заметки	40

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ»

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Август

№ 15—16

7-е издания восьмой 1930

Унитарная система принята

Постановление Экспертной комиссии Наркомпроса по отбору единой системы стенографии от 1 сентября с. г.

Присутствовали — члены экспертной комиссии: т. Фридман (НКПрос), т. Трусович (МОНО), т. Вексман (ЦК ССТС), т. Махров (Резвоенсовет), т. Кузнецов (Институт Техники Управления НК РКН СССР) и представитель Облпроса т. Кузнецов.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Положить в основу унитарной системы — систему Соколова Н. Н.
2. Поручить т. Соколову совместно со следующими специалистами — стенографами: т. т. Берман, Гильдебранд, Крулевым, Садиновой, Сумароковой и Фалеевым — внести необходимые улучшения в систему, доложив окончательный вариант ее Экспертной комиссии в десятидневный срок.
3. Ввести преподавание унитарной системы по всему СССР с 1931/32 учебного года.
4. В течении 30 — 31 уч. года разрешить преподавание по тем системам, по которым велось преподавание в предыдущем учебном году, считая, однако, возможным в отдельных областях, при наличии соответствующих условий, ввести преподавание по унитарной системе с 1930/31 уч. года.
5. Поручить Опытным курсам стенографии подобрать материал для подготовки проекта декрета Совнаркома РСФСР.

Вперед за продвижение унитарной

Еще в 1923 году,¹⁾ посылая свое приветствие только что открывшемуся тогда журналу «Вопросы Стенографии», тов. Керженцев следующим образом формулировал основную задачу в области стенографии:

Нам пора перейти от кустарного обучения стенографии путем отдельных курсов, где преподаются самые разнообразные системы, к обучению по единой общей программе и по одной унифицированной и специально упрощенной... стенография должна быть разработана так, чтобы утратился индивидуальный характер записей, чтобы всякая стенографическая запись могла быть прочитана всеми, кто знаком со стенографией. Такова, думается мне, одна из теоретических проблем для педагогов и теоретиков стенографии.

Только таким путем стенография могла стать массовой, только так можно было осуществить выброшенный передовыми стенографами лозунг: «Пусть стенография

¹⁾ см. № 2 за 23 год.

сделается достоянием не каждого образованного человека, как сказал родоначальник стенографии — Габельсбергер, а достоянием каждого грамотного человека.»

К реализации этой задачи мы приступаем только теперь, как это видно из вышеприведенного постановления Экспертной комиссии. Это постановление завершает собой определенный этап развития русской стенографии, подводит итоги пятилетней борьбы за единую систему.

Решение Экспертной комиссии, несомненно, будет встречено в штыки всеми лицами с уязвленным авторским самолюбием, всеми ревнителями своих систем, за деревьями этих систем не видящими леса стенографии. Поднимается крик о несовершенстве отобранной системы, о гибели стенографии, о срыве подготовки кадров (как это сделали бы, впрочем, и в отношении всякой другой системы).

Надо прямо сказать, что, беря систему Соколова за основу унитарной системы, Экспертная комиссия не обманывается относительно того, что эта система не является идеальной. Если бы в СССР существовала такая совершенная система с явным преимуществом над всеми другими, работа над отбором единой системы не затянулась бы на ряд лет. Однако, и опыт теоретического изучения систем в унитарной комиссии привел нас к семи системам, и данные Опытных курсов стенографии выдвинули на первый план три системы — Соколова, Фалеева и Габельсбергера.

Между тем, вся практическая работа в области стенообразования говорит за то, что только путем коллективного усовершенствования одной из лучших систем можно продвинуть дело стенографии и прекратить тот разнобой, который существует сейчас при конкуренции систем.

Вот почему и I всероссийская конференция преподавателей стенографии, созванная Главпрофбром в пр. г., категорически настаивала на отборе и жестком проведении в жизнь одной, а не двух-трех систем.

Вот почему и Экспертная комиссия встала перед необходимостью решительного отбора одной системы.

Руководствуясь стремлением к отбору наиболее простой, наиболее усваиваемой системы стенографии, необходимой на данном этапе советского строительства для внедрения стенографии в массы, Э. К. не могла не остановить своего выбора на системе Соколова, являющейся по удостоверению лингвиста, проф. Жиркова, «самой легкой для изучения», а по данным Опытных курсов стенографии, разработанным психотехником проф. Левитовым, занявшей первое место на зачетах в 90 слов при незначительном отсеке учащихся за весь курс.

Взятие этой системы лишь за основу, с предложением специалистам—стенографам «внести необходимые улучшения в систему», указывает на желание Э. К. использовать все силы, все ресурсы стенографии.

Было бы величайшей ошибкой делать из этого вывод, что вообще следовало поручить специалистам разработать единую безымянную систему. Проф. Жирков в своей работе «Русские системы стенографии» правильно отмечает, что развитие русской стенографии идет путем отбора.

Этот путь выбран самими стенографами, понявшими, что в «одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Если идею объединения совершенно различных теоретических школ нужно решительно отвергнуть, то метод коллективного совершенствования основ какой-либо одной системы — единственно правильный и возможный и в этой работе надо приступить немедленно. Срочное издание учебника по унитарной системе, созыв конференции преподавателей летом 1931 года, создание научного

центра, обсуждающего все изменения, вносимые в унитарную, вот пути для дальнейшего совершенствования русской унитарной системы.

Указанный Э. К. срок введения унитарной с 1931/32 года дает возможность безболезненного и обдуманного проведения единой в жизнь. Несмотря на необходимость самых ударных темпов в этой работе, нужно ее проводить так, чтобы ни на минуту не приостанавливать подготовку столь необходимых сейчас кадров стенографов, чтобы не вызвать деградации педагогов скороспелой подготовкой.

Введение унитарной системы открывает широкие горизонты перед стенографией. В проекте декрета Совнаркома будут предусмотрены не только мероприятия по отбору единой стенографии, но и поставлен вопрос о пересмотре всей постановки дела стенографического образования. Необходимо включить этот участок в общую систему народного образования. Взамен маломощных, хилых курсов, принужденных из-за соображений «хозрасчета» забывать и о социальном составе учащихся, и о качестве преподавания, — должны быть созданы специальные техникумы и вузы для подготовки профессионалов стенографов, практиков и педагогов.

С другой стороны, преподавание стенографии должно быть введено на первых порах, хотя бы в качестве опыта, в трудовую школу. Кафедра по стенографии необходима и в ряде специальных техникумов и вузов (журналистики, иностранных языков, переводчиков и т. п.)

Проведение этих мероприятий должно быть возложено на специальную правительственную комиссию.

Наряду с этим стенографам необходимо создать ударную бригаду по содействию проведению унитарной в жизнь.

Отдельным анархическим и правооportunистическим выступлениям специалистов стенографов, собирающихся «до последней капли крови бороться против унитарной», нужно противопоставить не только железную волю советских организаций, но и общественное мнение стенографической массы, объединяющейся под лозунгом «Нести стенографию в массы!»

Подготовка кадров

Коллективное преподавание стенографии

(Из доклада зав. уч. частью ленинградских госкурсов стенографии)

На ленинградских госкурсах стенографии обслуживание учащихся преподавателями стенографии поставлено следующим образом.

Группе, приступающей к изучению теории системы, придается определенный преподаватель на все время, нужное для прохождения теоретических основ системы. Когда учащиеся вступают в период применения теоретических знаний уже не на специально подобранных словах или фразах, а на текстах, которые требуют всего теоретического багажа и образования сокращений часто употребляемых или трудно изображаемых слов, группе придается новые преподаватели, однако обязательно той же системы, так что занятия ведутся попеременно то одним, то другим преподавателем. С этого момента можно сказать, что «частная собственность» на группу — уничтожается.

Но во всей широте коллективное обслуживание группы начинается тогда, когда период непрерывного творчества во время письма кончается и у учащегося появляются уже рефлекс на звучание часто встречающихся слов. С этого момента группа начинает обслуживаться **всем наличным составом преподавателей, вне всякой зависимости от системы.** Но, так как чисто системные указания опытного руководителя будут полезны до самых высших степеней скорости, то в учебном плане предусматриваются часы, которые отводятся по-системным занятиям с преподавателем данной системы. Здесь преподаватель в положении консультанта или отвечает на накопившиеся вопросы учащихся, или прорабатывает с ними слова, которые являются принадлежностью ближайшей темы диктанта. Такие консультации устраиваются примерно один раз в неделю.

Коллективное обслуживание учащихся имеет много преимуществ. Целая группа внутри которой имеются различные являющиеся, не связана до конца учебной с определенной индивидуальностью преподавателя. Опыт педагога коллектива руководит развитием рефлекса учащихся и в то

же время никакие противоположные тенденции в руководстве немислимы, так как весь коллектив в работе связан предметной комиссией.

При переменном составе руководителей никакой привычки к одному какому-нибудь голосу или одной манере диктанта не может выработаться и слушатель будет без особого напряжения внимания принимать любой диктант и на предстоящих испытаниях и в практической работе.

3) При оценке годовой работы учащегося отдельные, почему-либо неправильно составленные мнения потонут в коллективной оценке, ибо данного учащегося знают все преподаватели — члены совета — и все они принимают участие при обосновании его годовой работы.

4) При наличии у каждого преподавателя промежутков во встречах с какой-либо группой (пока там побывают другие преподаватели) создается возможность некоторой ступенчатости наблюдения, при которой станет заметно то, что при рядовых встречах, изо дня в день, ускользает от внимания.

5) Нагрузка преподавателей при коллективном обслуживании получается более равномерной, так как не приходится одному быть постоянно в больших численно группах или в группах, работающих на больших скоростях (где требуется большое напряжение голосовых средств), или в группах с большим процентом мало успевающих (где обычно парит атмосфера вялости и безразличности). Все бывают всюду и получают оздоровляющую перемену впечатления.

Кроме всего сказанного, имеются еще очень важные преимущества организационного порядка: выгодные как учащимся, так и учащим и, наконец, административному аппарату курсов.

Учащиеся, будучи независимы от того или иного преподавателя, могут работать в той группе, которая им в данный момент наиболее подходит по скорости. А известно, что при прежней (не коллективной) системе очень часто более успевающий дол-

жен был оставаться в группе, которая в сущности тащила его назад.

Преподаватель, которому нужно освободить себя на тот или другой час, не будучи скреплен с определенной группой, может, ломая расписание занятий, рассчитывать на замену себя кем-либо другим. С другой стороны, и учебная часть курсов не будет поставлена в тяжелое положение в случае болезни или отсутствия одного из преподавателей, т. к. замена произойдет совершенно незаметно для учащихся, и, следовательно, не вызовет впечатления нарушения обычного порядка работы.

Наконец, если бы оказалось, что в данной группе в настоящее время нужно особенно поработать в каком-либо одном направлении (больше диктанта, больше разбора фразы и т. д.), то учебная часть имеет возможность чаще направлять туда преподавателя, отличающегося в работе уклоном именно в эту сторону.

Таким образом, со всех точек зрения коллективное преподавание стенографии открывает большие перспективы в области более плодотворной подготовки новых кадров стенографов.

Л. БАЦЕВИЧ

Наш метод

Преподавание стенографии по системе Габельсберга на первом отделении наших курсов (тип А — подготовка секретарей-стенографов и стенографов-корреспондентов) в истекшем учебном году было поставлено в несколько особых условия:

Во-первых, группы учащихся были подобраны по степени их способности, для чего было проведено специальное вступительное испытание в целях выявления грамотности, полноты грамотности учащихся, умения быстро схватывать мысли, разбираться в тексте и т. п.¹⁾ На первом отделении было образовано четыре группы, которые и были распределены между двумя преподавателями стенографии таким образом, что первая и четвертая группы были предоставлены одному преподавателю, а вторая и третья — другому; в конце учебного года, вследствие отсева, составилось три группы, причем первая и вторая включили в себя наиболее успевающих учащихся, а третья охватила всех тех учащихся, которые по тем или другим причинам не смогли выполнить поставленные программой задания в определенный срок.

Во-вторых, вся работа по обучению стенографии на первом отделении велась двумя преподавателями строго согласованно, весь учебный материал для каждого урока подготавливался и продумывался преподавателями совместно, но, разумеется, каждый преподаватель в своих группах прора-

батывал этот учебный материал, учитывая все индивидуальные особенности и уровень развития учащихся.

В-третьих, преподавание стенографии было связано, с одной стороны, с преподаванием русского языка, а с другой — с преподаванием обществоведения.

Что же касается программы, то она была составлена в соответствии с программой, утвержденной Главпрофобром РСФСР, как в отношении расположения материала, так и в отношении срока прохождения этого материала.

В настоящий момент, после окончания учебного года, мы считаем необходимым в целях самопроверки поделиться с товарищами-педагогами своим опытом в области преподавания стенографии, а также и теми методическими соображениями, которые, по нашему мнению, являются наиболее существенными и служат фундаментом для всего преподавания.

Прежде всего, коснемся применения лабораторного метода преподавания стенографии, понимая под этим широкую самостоятельность учащихся, активное их участие во всей работе педагога. Разумеется, такой метод не является чем-то новым. Он применялся и применяется в той или иной степени всеми педагогами. Недаром в программе Главпрофобра на этот момент было обращено особое внимание. «Преподаватель должен иметь перед собой, говорит в программе, не слепых исполнителей, а учащихся, сознательно, под руководством тво-

¹⁾ См. статью в № 13—14 журнала.

рящих свое письмо». Как же этот метод проводился нами и какие результаты он дал? С того самого момента, как учащиеся окончили с изучением стенографического алфавита и перешли к урокам о сочетании согласных, мы повели нашу работу при помощи широкого использования этого активного метода, который играл особенно большую роль при переходе к диктанту, когда проработка всех сокращений, составление фразограмм и лигатур, пропускались через критику учащихся. Метод этот дал весьма благоприятные результаты, и с нашей точки зрения, в дальнейшем следует обратить самое серьезное внимание на еще большее углубление этого метода при преподавании стенографии.

Что касается второго вопроса, вопроса о характере текста (связный текст или составленный из отдельных фраз), то на первых уроках при изучении теории, разумеется, приходилось подбирать не только отдельные фразы, но и отдельные слова, для того, чтобы закреплять у учащихся то или другое правило теории. С момента же перехода к отряду о символике гласных, круг фраз расширился, а со второй половины указанного отдела явилась возможность брать для проработки связанные тексты, главным образом, литературные, отрывки из произведений как современных, так и старых авторов; причем, в соответствии с уровнем стенографии учащихся, делались в текстах те или другие сокращения, замены и проч. Наконец, при прохождении корней давались исключительно связанные тексты, иногда соединенные со специальными заданиями по русскому языку¹⁾.

Наконец, третьим существенным, с нашей точки зрения, вопросом является вопрос о содержании текстов и о последовательности их проработки. Здесь необходимо отметить, что во время прохождения теории мы совершенно не давали текстов политического содержания. Диктовались исключительно литературные тексты описательного и бытового характера с таким расчетом, чтобы все встречающиеся в тексте слова можно было бы показывать учащимся в окончательной форме, чтобы учащиеся не приходилось бы впоследствии, в силу тех или иных соображений, перечувываться изменять начертание слова.

¹⁾ Подробное изложение этого вопроса о связи с русским языком читатель найдет в статье т. Л. Никифоровской.

Это правило неукоснительно проводилось обоими преподавателями, причем в тех случаях, когда у преподавателей для начертания того или другого слова имелись две равноценные формы, учащимся эти формы предлагались на выбор.

Опыт связи преподавания стенографии с преподаванием обществоведения был проделан у нас на курсах в этом году только на первом отделении. Когда учащиеся достигли скорости, примерно, 20—25 слов в минуту, преподаватель стенографии совместно с преподавателем обществоведения наметил материал для параллельной проработки его на уроках стенографии и обществоведения. Была взята статья «Крушение капитализма, переходная экономика и строительство социализма в СССР» (из программы Коминтерна)¹⁾. Этот материал оказался для учащихся при их малой стенографической технике, когда самый процесс начертания слов требует от пишущего много внимания и усилия, несколько трудным. Вот почему мы полагали бы, что подобного рода тексты впредь следует давать учащимся уже по достижении ими более высокой техники. Несмотря на этот отрицательный момент, все-таки результаты получились довольно удовлетворительные, что в большой мере зависело от общего уровня развития учащихся. Во всяком случае, этот текст политико-экономического содержания дал возможность сообщить учащимся в сконцентрированном виде весьма обширный политико-экономический словарь (сокращения слов, фразограмму, лигатуры). И нужно сказать, что именно при прохождении этого текста особенное значение имело применение активного метода. Работа над этим текстом была начата, примерно, в феврале месяце, продолжалась она около полутора-двух месяцев. Кроме того, отдельные отрывки текста диктовались повторно, но в виде вариантов. Проработка подобного рода политико-экономических текстов должна в принципе обязательно проводиться параллельно на уроках стенографии и уроках обществоведения.

После проработки политико-экономического текста мы приступили к разбору текстов литературно-публицистических. Здесь мы преследовали двойную цель. С

¹⁾ Статья эта помещена в — «В помощь партуучебе» — орган АППО ЦК и МК ВКП(б) и Главполитпросвета. Экономическая политика. Вып. 1-й. 7 серия. 1929/30 г. Октябрь.

одной стороны, повторить и проверить, насколько учащиеся справляются с записью литературного текста, насколько они хорошо записывают такие слова, которые не требуют сокращения, выписывают целиком с соблюдением правил теории. (Например, диван, куметка, долина, холод, пушистый, скользкий, забат, луна, снег и т. п.).

С другой стороны, в таких литературно-публицистических текстах мы могли в известной мере проверить, насколько учащиеся усвоили те сокращения, фразограммы и лигатуры в области политико-экономической, которые только что приобрели в процессе работы над текстом из программы Коминтерна. (Рабочий класс, марксизм, буржуазия). Параллельно с текстами литературно-публицистическими, являющимися как бы мостом между текстами чисто литературными и политико-экономическими, мы

прорабатывали и материал на тему о пятилетке. Последний материал носил по преимуществу технико-экономический характер, причем затрагивал самые разнообразные темы — и по химической, и по бумажной промышленности, и по вопросу о металле, о хлебе, о нефти и т. п. Наконец, особое место занял текст статьи т. Сталина «Головокружение от успехов», который предварительно был проработан по линии стенографии, русского языка и обществоведения. С точки зрения стенографии этот текст явился повторением всего пройденного.

В заключение мы просим товарищей педагогов высказаться по поводу поставленных нами методических вопросов, а также поделиться теми методами, при помощи которых они проводят работу у себя на курсах.

Л. НИКИФОРОВСКАЯ

Увязать преподавание стенографии с преподаванием русского языка

Роль и место русского языка по отношению к стенографии и другим предметам курсов с достаточной полнотой выявлены в объяснительной записке к программе Главпрофобра по русскому языку, утвержденной конференцией преподавателей, в методических указаниях к отдельным темам, да и в самом построении этой программы*). Цель настоящей статьи — рассказать о тех практических шагах, которые были предприняты на ленинградских госкурсах стенографии по связи самого преподавания этих двух предметов.

Проводя эту работу, мы брали в расчет указанную выше программу, распределение материалов на занятиях стенографией в стенографическую систему, по которой шло обучение на первом отделении госкурсов (Габельсберга).

В течение первого полугодия, первого года обучения (русский язык — фонетика и морфология с элементами синтаксиса, стенография — теория систем) преподавателю русского языка было предложено в

помощь преподавателю стенографии особое внимание уделить теме — «Состав слов» и к упражнениям на словообразование возвращаться возможно чаще при разработке всех остальных тем этого полугодия, что предусмотрено в методических указаниях программы к темам 6—7-й. На уроках же стенографии после третьего месяца обучения мы начали пользоваться текстами, достаточными по своему объему и качеству, чтобы служить материалом для специальных заданий и по русскому языку и по стенографии. Материалом для этой работы служили упражнения, выработанные из учебных пособий, рекомендованных в программе по русскому языку; в очень незначительной части, без нарушения цельности этих текстов, словарь их был несколько видоизменен — приспособлен к стенографии учащихся. На занятиях по русскому языку в этот период разбирались аналогичные тексты с аналогичными заданиями.

Из книги — «Синтаксические и стилистические упражнения» Павлова-Шипицина и Стефановского были таким образом использованы на уроках стенографии

¹⁾ См. сборник Главпрофобра «Материалы по переподготовке работников учреждений», изд. Госиздата 30 г., цена 1 р. 60 к.

упражнения, где требуется переставить слова так, чтобы смысл тех предложений, которые из них составляются, был вполне ясен, тогда как при беглом чтении отрывок кажется простым набором слов; стилистические и синтаксические упражнения на глагол; упражнения, где предлагается заменить слишком часто повторяющиеся одинаковые слова синонимами; упражнения, где следует освободить речь от слишком большого количества местоимений, или заменив их существительными или выбросив их совсем. Всего таких упражнений было сделано 10, объем их не превышал 110—120 слов (конец теории), которые надлежало стенографически оформить на уроке стенографии. Специальная работа по орфографии была сделана только одна — разбор отрывка из книги — «Орфография в школе взрослых» — Удальцовой и Цирес (материал для упражнения на приставки); указания по орфографии делались от случая к случаю, главным образом при проверке письменной расшифровки, так, как это и будет делаться на протяжении всего курса, с таким расчетом, чтобы главный удар во время занятий стенографией падал на стентехнику и на умение отчетливо и согласованно строить речь.

Все эти отрывки, взятые из произведений Льва Толстого, Тургенева, Гоголя и современных авторов, написанные хорошим русским языком, были удобны для стенопроработки, так как стенографически их можно было усвоить в окончательном виде, пользуясь лишь правилами теории, которые проходились в данный момент, с незначительным вкраплением сокращений отдельных слов — таких сокращений, к систематическому изучению которых еще не подошли учащиеся. Такие слова исчислялись единицами, но сохранялись в тексте сознательно: это входило в план занятий по стенографии, как подготовка почвы для будущего систематического изучения тех или других отделов.

Все завершение теории проходило на такого рода литературных текстах, в известной части и не связанных с какими-либо специальными заданиями по русскому языку.

Опыт работы показал целесообразность проработки указанных отрывков со стороны стенисьма, с параллельным выполнением заданий и по русскому языку, так

как словарь этих отрывков соответствовал стеноуровню учащихся данной стадии обучения, работа же по линии русского языка останавливалась в должной мере внимание учащихся на грамматической форме слов и способов их сочетаний, что нельзя не признать полезным при обучении стенографии в целях сознательной и отчетливой расшифровки; к тому же, все эти упражнения соответствовали программе конца первого и начала второго полугодия курса русского языка, в одном случае (синонимы) несколько предвзяв ее. Опыт работы также показал, что для более сильных учащихся полезно подобрать тексты, столь же пригодные в смысле стенопроработки, но с более усложненными заданиями по русскому языку. Большинству учащихся подбор текстов пришлось кстати, — задания по русскому языку оживляли работу и заставляли достаточно интенсивно работать мысль в нужном направлении.

Вот тот путь связи стенографии с русским языком, на который мы стали во время прохождения теории стенисьма (середина сентября — конец января). В будущем учебном году в начальных группах эту работу предполагается в большей мере развить и методически систематизировать. Нельзя будет обойти без внимания также темы по русскому языку, как параллельные синтаксические конструкции — тема 4-я второго полугодия, в особенности предложений; так же и другие темы могут занять центральное место, в зависимости от состава учащихся в группах.

В течение следующего полугодия, когда преподавание русского языка сосредотачивается на синтаксисе с пунктуацией и стилистике, когда пройдена элементарная теория стенисьма, постепенно возрастает быстрота и автоматизация стенисьма учащихся, расширяется их стенографический кругозор, что дает возможность пользоваться на уроках стенографии текстами все большими по объему и все более разнообразными по своему словарю, хотя бы в пределах одной и той же темы; отчетливой расшифровке текста, умению разбираться во все более широком и сложном словесном материале — этому моменту уделяется все больше времени и внимания.

В этот период мы разобрали на уроках стенографии и на уроках русского языка несколько одинаковых текстов. На уроках стенографии эти тексты разбирались по

линии стенисьма — письмо и расшифровка, с предварительным или последующим анализом стенисьма и создание образцового текста. При расшифровке текст охватывался, конечно, и со своей формально грамматической и смысловой стороны — преподаватель стенографии эту работу проводил в меру отведенных ему часов и в меру своей компетенции; более детально и глубоко, с выполнением каких-либо специальных заданий, разбор в этом направлении происходил на уроках русского языка.

Таким образом, с конца апреля по июнь были использованы четыре текста:

1) «Огоньки» — Короленко (из книги Павлова-Шипкина «Практическое руководство к расстановке знаков препинания»), во-первых, как текст, суммирующий пройденные правила пунктуации, сравнительно легко поддающийся расчленению на части, с выделением абзацев (тот пункт программы по русскому языку, который разбирался в данный момент) и в то же время очень удобный в смысле интонационного отражения нужных знаков препинания при диктанте на уроке стенографии; во-вторых, как текст, дающий возможность наглядно проверить — не расшатался ли у учащихся (скорость 40—50 слов) фундамент стенисьма. Этот текст требовал полной подробной записи на основании правил элементарной теории стенисьма; после большой зарядки, данной учащимся на уроках стенографии в области условных стенисьмов отдельных слов, лигатур и фразеграмм, по линии политической, политэкономии и текущей хозяйственной политики и отчасти по линии литературно-публицистических тем, — полезно было проверить стенисьм учащихся и ее скорость на новой теме чисто литературной, но в то же время не обременяющей никакими новыми стенисьмами, посвятив этому 1—2 урока.

2) и 3) Отрывок из речи Ленина на Московском губернском совещании в 1920 году (Шепковский — «Наш язык», часть III) и в непосредственной связи с этим текстом — глава из статьи Троцкого «В борьбе за культуру речи», (из книги «Культура речи» Гуревич, Слетов и др.), как хороший пример двух разных стилей речи, но одинаково выразительных и целесообразных: стиль первого отрывка — стиль ораторской речи, с многосоставными,

сложными предложениями, повторениями, вводными словами, прекрасно сконструированной, стилистически представляющей органическое целое в полном соответствии с содержанием и назначением, которое эта речь имеет; стиль второго отрывка — преобладание малораспространенных, простых предложений, сообщающих речи лаконичность, одновременно с простотой и отчетливостью выражений. Кроме того, содержание первого отрывка могло дать известный материал для повторения пройденных отделов программы по обществоведению, а само заглавие второго отрывка — «В борьбе за культуру речи» показывает, насколько поучительно для учащихся его содержание. В то же время интерес этих текстов с точки зрения содержания и стили вполне совпадал с своевременностью и пользой проработки их по линии стенисьма в данный период обучения стенографии (скорость 40—50 слов): эти тексты по своему словарю являлись повторительными, в смысле условных стенисьмов, лигатур и фразеграмм, при чем эти стенисьмы были даны в новой для учащихся связи, по сравнению с теми текстами, которые за последнее время прорабатывались на уроках стенографии.

4) На последних занятиях был сделан опыт совместной разработки одного и того же текста на уроках русского языка, стенографии и обществоведения (надо добавить, что непосредственной связи с административной техникой при преподавании стенографии в этом году не было, — эта связь в полной мере может быть осуществлена лишь на втором году обучения, при занятиях по корреспондированию и протоколированию). Материалом для совместной разработки текста на уроках русского языка, стенографии и обществоведения служила статья Сталина — «Головокружение от успехов».

После прохождения теории с начала февраля по конец апреля, мы не пользовались каким-либо общим материалом на уроках стенографии и русского языка, — это есть пробел в нашей работе, который в предстоящем учебном году в начальных группах следует восполнить. После прохождения теории долгое время на занятиях по стенографии разбирался политико-экономический текст, текст стенографически интересный, но который был признан непригодным для использования на

уроках русского языка, так как многосоставность предложений, входящих в текст, с обилием причастных и деепричастных оборотов, при недостаточной спайке и уравновешенности составляющих целое частей (в стилистическом отношении), делали его трудновоспринимаемым и непоказательным при прохождении многосоставных предложений, к изучению которых на уроках русского языка учащиеся приступали в этот период. При расшифровке этого текста преподаватель стенографии, конечно, делал попутно разъяснения по пунктуации и конституции предложений, насколько позволяло время.

Для регулирования всей этой работы по связи русского языка со стенографией, была создана комиссия связи русского языка со стенографией, на заседаниях которой намечался план работы на ближайшее время и подводились итоги работы уже сделанной. На таких заседаниях комиссии связи производился также между преподавателями стенографии и русского языка, обмен характеристиками учащихся в отношении грамотности, общего уровня развития и успеваемости по обоим предметам, с целью выявления их общих слабых мест

и отдельных лиц, требующих особого подхода. На этих заседаниях комиссии связи предполагалось также намечать, по соглашению с преподавателем русского языка, ударные темпы для совместной разработки, разрывающие последовательность программы по русскому языку, но по тем или иным причинам, выдвигаемым преподавателем стенографии, — пока это еще не проводилось.

Вот та работа, которая была проделана по связи преподавания стенографии с преподаванием русского языка. Конечно, эта работа имеет смысл лишь в том случае, если она вытекает сама собой из преподавания стенографии, и являясь его органической частью, действительно повышает продуктивность занятий, — это же условие требуется и по отношению к русскому языку.

На 1 отделении ленинградских госкурсов такая кооперация в преподавании стенографии и русского языка, по нашему мнению, себя оправдала. Хотелось бы, чтобы товарищи педагоги поделились своими мыслями и своим опытом по этому вопросу.

Стали с'ездовыми стенографами

Нам хотелось бы на страницах журнала «Стенография и Машинопись» поделиться тем опытом работы, который проводился по подготовке нашей группы стенографов к с'ездовской квалификации на 1-х ленинградских государственных курсах стенографии, открывшихся в сентябре 1929 г.

В учебный план III отд. наших курсов, — объединившего, главным образом, учащихся закрывшихся частных курсов, — кроме стенографии, были включены также занятия по русскому языку, обществоведению и делопроизводству.

Из четырех уроков стенографии три урока были посвящены диктанту. На уроках диктовался в первую очередь текст, затрагивающий все те производства, развитие которых признано необходимым в пятилетнем плане социалистической реконструкции СССР, а также и другие наиболее актуальные вопросы нашей текущей политики.

В старших группах не было какого-либо определенного преподавателя стенографии, который один вел бы группу в течение всего учебного года, а педагоги поочередно сменялись. Так, нашей группой с'ездовиков¹⁾ руководил в основном зав. учебной частью Е. И. Казаков, который специально занимался нашей подготовкой к с'ездовскому испытанию. Уроки тов. Казакова шли, главным образом, по линии приближения к живой речи — текст диктовался неровно, («скачками», неожиданно переходя от медленного темпа к быстрому и наоборот), намеренно искажался и требовал редактирования. Мы были ознакомлены также со способами письма под метроном и с «подписывателем»²⁾. На этих уро-

¹⁾ Наша группа (16-ая) состояла из 11 человек, сдавало с'ездовскую квалификацию 8, выдержало 7.

²⁾ Группа делилась попарно, давался специальный текст; один из пары записывал весь текст, другой — только термины, цифровые данные и т. п. и давал их первому при расшифровке.

ках мы приучались не теряться при скорости, превышающей наши возможности, и, несмотря на пропуски, создавать фразу — улавливать ее основную нить; от нас требовалась также возможно полная фиксация собственных имен.

Но, кроме того, с нашей группой занимались еще 4 педагога. Эти товарищи занимались с нами уже больше по линии поднятия техники — давался ровный скоростный диктант, а от нас требовалось точное фотографирование текста и расшифровка без редактирования.

Мы считаем, что этот метод преподавания — смена преподавателей — безусловно принес нам огромную пользу. Мы привыкли к разным голосам, к разной манере говорить и тем самым были более застрахованы от того, что так часто случается с начинающими стенографами: привыкнув к одному постоянному преподавателю, его голосу, интонации и т. д., они (несмотря на достигнутую ими значительную скорость стенографирования), попадая на практику, теряются от того, что им приходится записывать людей, которых они слышат впервые.

4-й урок стенографии был посвящен консультации по системам. На этом уроке собирались учащиеся разных групп, но пишущие по одной и той же системе, и здесь под руководством преподавателя разрабатывался проходивший текст: учащиеся об-

менивались своими сокращениями, совместно выработывали новые, обсуждали и записывали сокращения, предлагаемые преподавателем.

Кроме указанных занятий, наша группа, объявившая себя ударной, занималась еще в обязательном порядке фраз в неделю на курсах и два раза в неделю учащиеся собирались друг у друга на-дому. Для этих занятий были выделены из среды учащихся товарищи, которые поочередно занимались с остальными; иногда по нашей просьбе с нами занимались и педагоги. Кроме того, мы обязались посещать уроки в группах, наиболее близких нам по скорости, когда уроки наши не совпадали. Эти «ударные» занятия, несмотря на то, что они развернулись несколько поздно, дали большие положительные результаты.

Мы считаем необходимым отметить необыкновенно чуткое и внимательное отношение к нам со стороны преподавателей, шедших всегда навстречу нашим запросам и охотно делившихся с нами своим опытом.

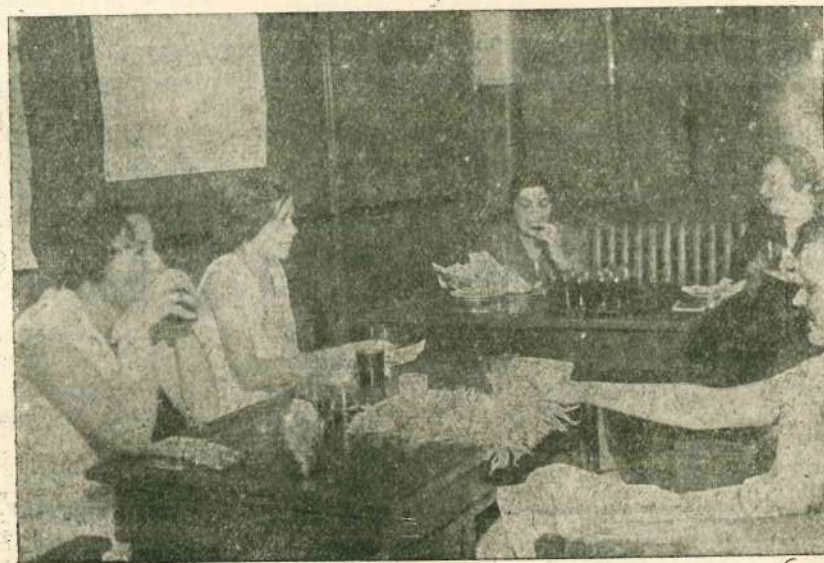
Просим всех занимавшихся с ними преподавателей еще раз принять нашу глубокую благодарность и пожелание дальнейшей плодотворной работы в деле подготовки новых кадров сознательных советских стенографов.

А. Кац.

А. Соколова.

В. Гервер.

В. Курчазова.



Комната отдыха для машинисток Мосгорбанка (см. заметку на стр. 12)

Чистка идет „Без вины виноватые“

Спросите машинисток Мосгорбанка, что выявила чистка по машинописному бюро? У вас получится впечатление, что рабочая бригада совершила роковую ошибку: в бюро было все спокойно и хорошо, между тем, многие машинистки подверглись персональной чистке, некоторые понесли изыскания и все это по вине известной бузотерки и склочницы Дарчиновой, которая ни с кем не может ужиться и которая повела бригаду по неверному следу, выдумав наличие каких-то «группировок» в бюро.

Зайдите в недавно избранный местком. Там тоже услышите, что персональная чистка многих машинисток объясняется тем, что вообще таким методом проходили чистку почти все сотрудники аппарата, машбюро ни в чем плохом не замечено, и если бы не Дарчинова (которой администрация в свое время вынесла выговор, переведя из машбюро в отдел за склоку и отказ от работы, что местком и старого и нового состава считают вполне правильным), то ничего бы не было...

Правда, в составе машинисток была одна, снятая ныне по второй категории, как чуждый элемент за связь с границей, и т. п. дела, но это никакого отношения ко всему машбюро не имеет.

Совсем другая картина предстанет перед вами после разговоров с рабочей бригадой и с комиссией по чистке аппарата. **Состав машинописного бюро поразил их (а рабочий глаз обмануть трудно) своей необщественностью.**

«Неужели машинистки отличаются в этом отношении даже от бухгалтерии и общей канцелярии, где общий политико-культурный уровень тоже не велик?» со слабой надеждой в голосе спросите вы.

— Да, отличаются. Правда, за многими из них числятся всякие нагрузки, но подлинной активности в машбюро, если исключить 2—3 человек, вы не найдете, — заявляет рабочая бригада.

Сопоставив этот вывод бригадиров с тем, что было несколько месяцев тому назад выявлено самообследовательской комиссией, выделенной редакцией из актива машинисток, надо сознаться, что бригадиры

подметили правильно. Разве не машинистки Мосгорбанка отличались тем, что брали в свое время (теперь это изжито) деньги за перепечатку материалов для стенной газеты («всего только 3 рубля за газету, — разве это дорого?», воскликнула одна из них на собрании?). Разве не они в течение двух лет не только не поддерживали выдвинутый одной из машинисток проект организации единого машбюро, а всячески препятствовали проведению его в жизнь, несмотря на скверные санитарно-гигиенические условия, в которых они находились, несмотря на неравномерность нагрузки и т. п. Разве не они слабо посещали общие собрания и с трудом были собраны на доклад обследовательской бригады редакции, касавшийся только их самих?

Разве не они до последнего времени не вступили в соцсоревнование по улучшению своей работы? А между тем, соцсоревнование давно бы излечило те дефекты в постановке работы машинисток, которые отмечены рабочей бригадой.

Это, прежде всего, **распыленность машинисток по отделам** — из 40 машинисток (в том числе 2 практикантки и 5 временных) 10 человек сидят в отделах, при чем в отделах они недостаточно нагружены. Если нельзя говорить о полной концентрации машинисток в машинописном бюро (с этим выводом рабочей бригады комиссия по чистке справедливо не согласилась), т. е. это отразилось бы на темпах оперативной работы банка, то можно несколько сократить количество машинисток в отделах и подумать о большей нагрузке их.

Отсутствует норма и учет работы машинисток. В таком большом бюро и норма и учет способствовали бы повышению производительности труда и более правильной тарификации машинисток (о ней нужно поговорить отдельно).

В машбюро не изжито переписывание бумаг, которые имеют хождение внутри банка и потому могли бы свободно писаться от руки, — особенно этим злоупотребляет юридический отдел. Остальные отделы отличаются тем, что дают неразборчиво на-

писанные черновики, в результате чего машинисткам приходится тратить много времени на то, чтобы бегать по отделам за расшифровкой таких бумаг. И это в то время, когда в банке имеются стенографистки-машинистки, могущие быть использованными для записи бумаг тех работников, которые органически не могут писать понятно.

Неряшливость отделов сказывается и в том, что одни и те же формы приходится перепечатывать в машбюро по несколько раз, так как материалы даются необработанными.

При правильно поставленном и широко развернутом соцсоревновании машбюро с отделами все эти недостатки могли бы быть изжиты и до появления комиссии по чистке, которая предложила устранить все указанные ненормальности, установить норму выработки и учет и, в результате разгрузки машинисток от ненужной, ныне выполняемой работы, сократить штат их на 15%.

Кроме того, комиссия наложила несколько персональных взысканий на машинисток.

Тов. Харину постановлено снять с должности старшей машинистки за неумелое администрирование, неправильное распределение работы среди машинисток, создание нездоровой обстановки.

Снята с должности помощницы старшей и т. Рудзи, обнаружившая также слабое руководство машбюро.

Вынесен строгий выговор профдеlegatesу т. Лесновой за нетрудициplinированность, несприятие мер через местком к изжитию склоки.

Пресловутая Дарчинова, которая, конечно, не была виновницей всех бед, как это думают машинистки, но явилась активной участницей склоки, не была забыта комиссией; она получила выговор за склоку, (отказ от работы, предлагаемой ей старшей).

Небезынтересно, что машинистка Чирова, снятая по 2-й категории, как чуждый элемент, а также за склоку и роспуск контр-революционных слухов, Чирова, имевшая связь с эмигрировавшими братьями — белобандитами — и сама мечтавшая попасть за границу, эта самая Чирова до чистки миролюбиво ужилась в бюро, что красноречиво говорит о классовой слепоте остального состава работников.

Пора машинисткам Мосгорбанка бросить версию о «роковом и непонятном» недоразумении, о «без вины виноватых машинистках», понесших взыскания. Выводы комиссии должны заставить их глубже вникнуть в уроки прошлого, серьезнее подойти к общественной жизни, на большую высоту поставить свою производственную работу.

Это надо сделать с тем большей энергией, что условия работы машинисток Мосгорбанка за последний год настолько улучшились, что это машбюро по своей оборудованности может занять одно из первых мест даже в Москве.

Закончившаяся чистка должна заставить и местком Мосгорбанка больше уделить внимания политическому воспитанию машинисток, больше втягивать их в общественную жизнь, больше продвигать активисток на более ответственную работу (полное отсутствие продвижения машинисток было в свое время отмечено обследовательской бригадой редакции н/журнала).

Администрация банка следует предоставить старшей машинистке больше прав по руководству этим участком работы, сделав ее подлинной заведующей машинописным бюро, а не бесправным приемщиком всяких бумаг, поступающих в бюро. Нужно, наконец, установить и такую систему оплаты машинисток, которая бы стимулировала их работу. (См. ниже письмо рабочей бригады).

В.

Правильная тарификация стимулирует работника

Редакцией получено следующее письмо в связи с чисткой машинисток Мосгорбанка:

«Рабочая бригада по чистке аппарата Мосгорбанка, считает, что машинистки данного учреждения тарифицируются неправильно: старые опытные работницы и новички, поступающие с биржи и еще не имеющие полной квалификации, все оплачиваются одинаково. В результате, среди машинисток царит атмосфера недовольства, возникают склоки, молодые неквалифицированные машинистки не получают помощи от старших, а наоборот, от них требуют, чтобы они выполняли такую же работу («одинаково получаете, одинаково и работайте!»).

Мы считаем, что нивелирование окладов, убивающее всякий стимул к повышению своей квалификации, нужно устранить и установить несколько окладов. Молодняк, прибывающий с биржи, должен примерно в течение месяца, пока выявится его квалификация, получать небольшой оклад, который постепенно, по мере увеличения квалификации, должен повышаться. Такая система оплаты — за квалификацию, применяемая на заводах, приведет к тому, что, с одной стороны, работницы разной квалификации не будут получать одинаково, а с другой стороны, не будет опасности, что более молодая, но более способная будет получать меньше машинистки с большим стажем, но с меньшими способностями или меньшей грамотностью.

Принимая во внимание, что машинистки — это такая профессия, которая имеет мало шансов на продвижение в аппарате, такая система оплаты даст возможность компенсировать машинистку за совершенствование в своей работе.

Старший бригадир — РОДИМУШЧИН».

Наркомтруда и ЦК союза совторгслужащих не мешают учесть это замечание рабочего бригадира. Существующая ныне система оплаты, когда имеется всего 2—3 оклада машинисток с незначительным разрывом в зарплате и когда наркомат или банк механически получает столько-то единиц по 75 руб. и столько-то по 85 руб. (обычно не больше двух окладов на учреждение, а иногда и один) и также механически распределяет их между машинистками, не считаясь с квалификацией, — является неправильной.

До какого абсурда доходит эта система, можно видеть на примере Севзапсоюза в Ленинграде, где стенографистка Фохт, получившая на всесоюзном конкурсе звание первой стенографистки СССР, получает столько же, сколько и принимаемая с биржи новая неопытная стенографистка, где первая машинистка Ленинграда, вырабатывающая в 2—3 раза больше других, получает ту же ставку, что и все машинистки бюро.

Говорят, французская делегация кооператоров, посетившая Севзапсоюз, была поражена нашим неумением ценить работников.

Мы удивляемся не меньше их.

Пора оздоровить школу

Несколько лет пермская школа стенографии и машинописи жила без всякого хозяйственного глаза. Ни одна организация туда не заглядывала и не интересовалась, какие кадры там готовятся для совнарбата и кто их готовит. Так было бы и дальше...

Но нет худа без добра... ОкрОНО вздумалось, несмотря на протесты коллектива стенографов и администрации школы, назначить туда вторым преподавателем стенографии (никакой нужды в нем школа не ощущала) г-р. Ицксона, небезызвестного своими многолетними и малоуспешными частными курсами стенографии, очными и заочными.

Не будь этого назначения и последовавшей за ним склоки, которую И. Ицксон немедленно заварил и с завкурсами Романовой, и с другим преподавателем стенографии, т. Ипановой, не стесняясь патриванием учащихся различных групп друг на друга, — школа не обратила бы на себя внимания соответствующих организаций, за короткое время посланных туда две комиссии: от окрОНО и от союза СТС. (лучше поздно, чем никогда!).

Обе комиссии нашли недопустимое отношение к социальному составу учащихся. Хотя формально прием учащихся производился комиссией в составе горОНО, женотдела и биржи труда, но на самом деле никакого социального отбора сделано не было. Из 94 учащихся, вообще, только 10 имеют выявленное социальное лицо, на остальных не имелось даже анкет. «Их негде хранить», заявила зав. школой Романова. Однако, и без анкет комиссии без труда выявили среди учащихся несколько детей лишенцев и «прочих».

Комиссии остановили свое внимание на невероятно высокой плате за обучение — 18 руб. в месяц, плате совершенно непосильной для детей рабочих и служащих. Никакой дифференциации платы, в зависимости от обеспеченности учащихся, не установлено. Правда, делались отклонения от нее, но с тем же неправильным классовым подходом, который наблюдался и при приеме. Так, например, дочь кустара освобождается от платы, а дочь рабочего, пенсионера, платит за уче-

ние. Дочь крупного торговца, Лаврова, обучается бесплатно, так как предоставила машинку для школы и т. п.

Словом, единственной заботой у трудколлектива, являющегося юридическим хозяином школы, и зав. школой Романовой, было — не иметь дефицита. К чести Романовой еще надо отнести, что она неоднократно ставила перед союзом совторгслужащих вопрос о том, что он должен взять школу в свои руки, неоднократно указывала окрОНО на недопустимые жилищные и гигиенические условия работы школы (что отмечено и комиссией), — что дальше этих административно-хозяйственных забот она не шла, не понимая классовых извращений, совершаемых школой.

Общественной жизни на курсах не было. Учком бездействовал, газета не выпускалась. Соцсоревнование велось лишь в вечерних группах стенографии, руководимых Ипановой («по машинописи, пишет Романова, ударничество предположено провести во 2-м триместре, когда учащиеся перейдут на связанное письмо», как будто бы ударничество учащихся может заключаться только в соревновании на скорость письма!).

Общественное и русский язык не преподавались месяцами, методическая работа никакая не велась, благодаря создавшейся склоке и полной неработачности между педагогами.

Обе комиссии наметили ряд правильных мер для оздоровления школы, в большинстве совпадающих. Так решено после каникулярного периода перепроверить всех без исключения учащихся через особо созданную комиссию с тем, чтобы весь чуждый элемент вычистить из школы.

Правильно и предложение снять с завдвания школой за неумелое руководство, за отсутствие классовой линии и допущение склоки между преподавателями Романову, которую комиссия союза предлагает использовать в школе как опытного преподавательницу машинописи.

Однако, как и следовало ожидать от ведомственной комиссии, комиссия окрОНО проявила куриную слепоту в отношении классовой политики самого окрОНО, роли Ицксона в школе и его личности.

Комиссия союза СТС оказалась более зрячей, постановив: «За незтичные поступки с преподавателями школы, за игнорирование работы бригады, за создание в группе склоны, вызвавшей большую утечку учащихся (из 49 человек посещают занятия 22), за антиобщественные выступления по отношению к объединению и учному, — преподавателя Ицексона снять с работы.

Передавая материалы в бюро жалоб РКМ, бригада СТС обращает внимание на более чем страшные действия работников окрОНО, которые, «несмотря на ряд предупреждений, что Ицексон и Смолина являются частниками, (первый имел недавно частные курсы стенографии, а Смолина — бывшая торговка и имеет в настоящее время частные курсы), все же мер к изолированию их не приняли, а, наоборот, выдали путевки: Ицексону — на преподавание в школе, а Смолиной — на заведывание школой («освежение» школы по методам окрОНО).

Комиссия окрОНО предложила оставить школу в ведении трудколлектива, а методически — в ведении окрОНО. Комиссия СТС шире подошла к вопросу, предложив подвести твердую базу под школу, перенести расходы по содержанию ее на хозорганы, для которых школа должна готовить стенографисток и машинисток по особым договорам. Школу предлагается расширить до 150 человек учащихся, в числе которых должны готовиться и новые кадры и повышаться квалификация работающих в учреждениях машинисток.

В плохой работе Пермской школы стенографии и машинистки повинны все организации: и трудколлектив, и окрОНО, и союз совторгслужащих и РКМ, не обращавшие на нее до сих пор никакого внимания. Долг этих организаций сейчас — оздоровить школу.

В. Р.



Машинное бюро Горбанка (см. заметку на стр. 12)

Машинопись



ХАРЬКОВСКАЯ

Пересмотреть пути продвижения машинистки

(В дискуссионном порядке)

Почти в каждом № «С. и М.» появляются статьи, заметки по двум довольно интересным вопросам: 1) борьба с плохими чертюзювиками в машбюро и 2) перспективы продвижения машинисток.

В одной заметке недоуменно запрашивается «о методах для развития способности разбирать почерки», в другой почти серьезно рекомендуется посылать на курсы каллиграфии ответ. работников и заняться подготовкой работников с хорошим почерком в школе.

Думается, что внимание авторов заметок напрасно направляется в эту сторону. Поставленные выше два вопроса тесно связаны между собой и разрешение их надо искать совсем в другой плоскости.

Еще никогда и нигде ни на какую ответственную работу не выбирали и не будут выбирать по «хорошему» почерку, — и теперь, когда все силы прилагаются к тому, чтобы орабочать аппарат, притянуть к делу новые силы выдвиженцев, — было бы странно и неверно подходить к ответ. работникам с требованием хорошего почерка. Одни всегда будут писать небрежно, пропуская и путая буквы, потому что у них рука не поспекает за мыслями, другие пришли учиться управлять ответственным делом, и тем и другим нет времени и не надо иметь хороший почерк.

Для этого непосредственно и именно для них существует машинистка со своей машинкой. Всегда, и ранее и особенно теперь от машинистки требуется формальная грамотность — орфографическая и синтаксическая, с помощью которой она допишет пропущенные, но вполне понятные по предыдущему тексту слова, и проредактирует набросок мысли, данный ей выдвиженцем.

Именно у нас, с нашими необъятными пространствами и особенно с переходом на мелкий низовой район, связанный непосредственно с центром, машинистка должна помочь верной, (благодаря четкости букв), скорой (выбивая сразу до 15 экз.) связи центра с низами и наоборот.

Правда, сейчас машинистки — дефицитный материал, наш русский завод еще не построен, но лиха беда — начало, а там уже пойдет, и если не к концу этой пятилетки, то наверно к концу другой машинка проникнет на село.

Значит, уже сейчас надо думать о кадрах машинисток, не только быстро, механически отстукивающих листы за листами, но могущих разобрать корявые буквы, корявые фразы и самостоятельно составить протокол по наброску резолюций, — т.е. помочь на селе и просто селянину, пришедшему с заявлением, и своему товарищу по работе в ячейке — секретарю и т. п.

Между тем, поднятый был вопрос о выработке такой квалификации замолк и теперь в журнале пишут о пользе стенографисток.

Стенографистка — это идеал, а из такой необходимой для села машинистки, которая описана выше, очень быстро, при малейшем ее желании, выработается без затраты сил, денег и пр. на изучение стенографии — машинистка-корреспондентка, с успехом заменяющая стенографистку.

Нужны кадры работниц такой квалификации, а между тем наряду с недостатком машинок все более и более чувствуется недостаток и машинисток. Лучшие продвигаются, средние бегут, смена не подготавливается. В одном учреждении было изъявлено желание быть продвинутой в машинистки довольно подходящие кандидатуры

(все со средним образованием), но, ознакомившись с условиями работы, атмосферой машбюро и дальнейшими перспективами (75 руб.—высшая ставка), — они все три предпочли, не тратя сил и нервов на подготовку для получения этих 75 руб., без всякой подготовки получать по 85—90 руб., как счетоводы и статистики.

Не рвачество — эта жалкая погоня за лишними 10—15 руб. и не дезертирство — «бегство в отделы на отдых», (как пипет кто-то) из машбюро со всеми его глушителями и образцовыми рабочими местами. Причина этого бегства лежит в следующем: организовав машбюро, рационализаторы думали только об одном, как можно более уменьшить возможность «простола» дорогого экспортного предмета — машинки, и все последующие заботы шли в одном направлении — облегчить машинистке возможность сделаться идеальным мотором к машинке, так как, к сожалению, машинка даже с электрическим приводом все-таки нуждается в пальцах и глазах машинистки. Все эти заботы о пиштрах, столах, черновиках и изящных стенах, обтянутых по желанию машинисток, розовой, или голубой материей, не облегчают ее труда.

Перерывы каждый час на 5—10 минут может быть нужны и приятны той, которая от природы только и способна быть частью машинки. Исследованиями науки физиологии труда установлено, что $\frac{2}{3}$ первого часа работы интенсивность ее только 75%, только второй и начало третьего часа дают максимальную интенсивность и потом снижение. Многие машинистки, лучшие из работниц, жалуются, что благодаря перерывам, каждый час они теряют «тему в работе». И такие бегут из МБ — иногда на худшую работу по условиям оплаты и оборудования.

Одни бегут, другие не идут. Что-то не ладно, чего-то не досмотрели рационализаторы в своих заботах об облегчении всеми единогласно признаваемой трудной работы машинисток.

Это мстит за себя не сознаваемое ни ими, ни даже самими машинистками сопротивление против превращения их в мотор к машинке. Труд машинистки не исключительно физический труд. И если бы можно было наравне с учетом убытков от простоя машинки учесть убытки от простоя секретарей и т. п., являющихся буферами

между мыслью ответ. работника и ее воплощением на бумаге при помощи машинистки, убытки от бессознательного сопротивления машинистки «омеханизированию» и уже ясную опасность остаться благодаря этому без кадров через 4—5 лет, то может быть вся польза машбюро окажется фиктивной.

Необходимо раздать машинисток по отделам. Во всяком учреждении оперативных отделов, имеющих каждый день живую срочную переписку, вряд ли больше количества имеющихся в учреждении машинок. Те же машинки вечером с вечерними машинистками, работающими по системе и со всеми удобствами и неудобствами условий МБ, смогут обслуживать оперативные отделы по «исторического характера» переписке.

Шум машинки в отделе не сильнее и не неприятнее арифмометра, а когда сотрудники знают, что это стучат именно их работу, — они быстро привыкнут и не будут замечать стука. Работа отдела будет мешать машинистке, но удобство работать с одними и теми же почерками (приблизительно 5—6 человек), с одними и теми же терминами, быть в курсе последовательности работы и, наконец, работать самостоятельно, (как корреспондент), сделает труд интереснее и тем облегчит его той, которой, наоборот, трудно начинать переписывать интересный доклад с половины какой-то фразы и бросать работу по звонку в машбюро на недооконченной фразе.

Простой машинки будет, но и машинке надо отдохнуть: она ведь будет работать и вечером. А машинистка, не вполне загруженная, всегда сможет помочь товарищам и даже просто исполнять несложные обязанности так называемого секретаря отдела, должность, на которую теперь обычно и продвигают машинистку.

Продвижение машинистки в секретари без машинописи — не путь для машинистки, и пользы для дела в этом нет. Секретарем может быть всякий грамотный и развитый человек, а машинописи нужно учиться, надо иметь некоторые способности (ловкость и быстроту пальцев, способность разбирать почерка, формальную грамотность и т. п.).

И совершенно нет оснований радоваться, когда машинистка имеет счастье «избавиться от машинки». Тем более теперь,

когда нередко такое продвижение кончается тем, что машинистку задвигают обратно.

Нужно пересмотреть пути продвижения машинистки и все силы бросить на подготовку машинисток — корреспонденток. Труд машинистки корреспондентки — интересный и в высшей степени полезный труд, особенно у нас, при общей малокультурности и даже малограмотности. Следует создать такие усло-

вия труда, оплаты и перспектив для машинистки, чтобы у нее был стимул к долголетней работе по своей специальности, чтобы она через полгода не была вынуждена или идти к невропатологу и узнавать, что ей следует «переменить профессию «или бежать куда угодно, «хоть в курьеры», как это иногда наблюдается теперь.

Нужно поднять уважение к профессии машинистки и у самой работницы и у окружающих.

Д. КУЗЬМИН

Десятипальцевый метод и ревизия его

(В дискуссионном порядке)

Все возрастающие требования скорости и точности письма, с одной стороны, и значительная профарядность, которую создают неправильные приемы при писании на машинке, с другой, явились стимулом к пересмотру как самых методов письма, так и методики преподавания машинописи.

Практиковавшийся в течение десятков лет у нас в России зрительный метод в настоящее время бурно заменяется «слепым», так как и практика, и научные изыскания последнего времени подтверждают необходимость писания на машинке, не глядя на клавиатуру.

Проблематичным остается вопрос о том, сколькими пальцами следует писать, а выдвинутые противниками десятипальцевого приема положения, основанные на исследованиях французского ученого проф. Лян, приносят значительную остроту в решение этого вопроса.

Вот полный перечень точных данных, добытых проф. Лян*), на которых базируются оппоненты, выдвигая вопрос об уменьшении количества действующих пальцев при писании:

1. Лян установлено, что при чередовании рук быстрота движений возрастает, а

*) См. Дмитревский „Методика письма на машине в свете современных научных исследований“ журн. „В. С. и М.“ за 1928 г. № 5.

Сравни. Гольцев „Стандартная клавиатура“ тот же журн. № 6 за 1928 г.

Его же „Стандартная клавиатура“ журн. „С. и М.“ за 1929 г. № 13—14.

именно: интервал между ударами пальцами различных рук попеременно, равен менее 0,02 сек., при ударах же различными пальцами одной руки — 0,03 сек. и при ударах одним и тем же пальцем — 0,09 сек. При чем также выяснилось, — чем дальше находятся клавиши от исходного положения, тем больше интервалы между ударами по ним.

2. Скорость и равномерность силы удара (при правильном «бросковом» ударе) не зависят от пальцев.

3. Большие, указательные и средние пальцы почти совсем не утомляются, безымянные утомляются более, нежели мизинцы.

Далее, основываясь на мгновенности действия удара на клавишу и на отсутствии аккордов, Лян выдвигается вопрос об отказе от аппликатуры (разделение клавишей между пальцами) и о переходе на метод «свободных пальцев».

Вдумываясь в данные 1-го пункта, мы найдем, что употребление всех пальцев при писании несколько не противоречит этим данным, но требует соответствующей перестройки клавиатуры. Однако, чередование рук не является идеалом, к которому необходимо стремиться при переустройстве клавиатуры. Результаты опыта инженера Клокенберга (Германия) являются противопоказанием к такому переустройству и с достаточной убедительностью доказывают, что постоянное переключение рук вызовет быструю утомляемость их и сократит отрезок времени, который в со-

стоянии будет выдержать машинистец при этом условии.

Наоборот, данные 1-го пункта скорее говорят против уменьшения количества действующих пальцев и подтверждают существующее мнение, что если бы пальцев было столько, сколько клавиш, то достижение хорошей техники стало бы проще. Отказ от использования всех пальцев неизбежно приведет к большим скачкам, что отрицательно повлияет на скорость.

Данные 2-го пункта совпадают с более ранним исследованием немецкого ученого д-ра Штейнгаузена, выдвинувшим новую форму ударного движения — «бросковый» удар при чире на форте. Эта форма удара, основанная на действии тяжести руки, освобождает нас от излишней гимнастики пальцев, с целью выравнивания силы слабейших пальцев¹⁾. И действительно, применяя на практике «бросковый» удар, не наблюдаешь разницы в силе удара между сильнейшими от природы (указательными и средними) и слабыми пальцами (безымянными и мизинцами).

В отношении скорости, пункт 2-й следует несколько уточнить в том смысле, что скорость не зависит от пальцев при условии отсутствия дефектов в строении их, так как по исследованиям других ученых (Штейнгаузена, Ж. Амара, Бехтерева) недочеты в строении руки являются препятствием к достижению хорошей пальцевой техники. Лично мои наблюдения показывают, что, напр., лица, имеющие малорастяжимые пальцы (чаще безымянные и мизинцы) никогда не достигают хорошей скорости. Вот в отношении таких лиц можно было бы допустить уменьшение количества действующих пальцев при условии, если будет доказано, что скорость писания при такого рода варианте может ими достигаться более высокая. Еще лучше таким лицам вовсе не касаться клавиш машин.

Кажется нет ни одного слова в 3 пункте, которое во всей полноте не выступало бы против применения мизинцев и безымянных пальцев, при чем против безымянных больше и менее в отношении мизинцев. Но взвешивая и эти данные, мы все же найдем, что и они не дают основания решать вопрос в пользу абсолютного

1) Отказ от выравнивания силы пальцев связан с именем О. Райфа.

отказа от применения всех пальцев и только еще более резко и в новой фазе выдвигают вопрос о переустройстве клавиатуры с тем расчетом, чтобы нагрузка слабейших от природы пальцев была возможно меньше.

В нашей русской клавиатуре мы имеем очень большую нагрузку безымянного и мизинца правой руки как в виде большого числа клавиш, так и частого употребления размещенных на них знаков. Ощущаем ли мы чрезмерное утомление их при многочасовой непрерывной работе? Нет. Относительно частое чередование пальцев этой руки и переключение рук позволяют им в достаточной мере отдыхать.

Не свойственно ли только сильным указательным и средним пальцам достижение наивысшей беглости и, связанной с нею, скорости писания? Наука, устами Любу-Реймона, Штейнгаузена и Лян (п. 2), говорит нам, что беглость движений не зависит от силы пальцев.

Трудность достижения умения писать, не глядя на клавиатуру, одними указательными и средними пальцами и данные 1-го пункта самого Лян, где указывается, что чем длиннее дистанция пробега пальца от клавиша к клавише, тем больше интервал между ударами, говорят не в пользу двухпальцевого приема. Кроме того, невольно возникает мысль, что передача всей работы только указательным и средним пальцем, в условиях большей скорости, к которой стремятся оппоненты десятипальцевого метода, предъявит к мышцам этих пальцев повышенные требования, что, в свою очередь, может вызвать понижение их работоспособности (проф. Белов).

Значение аппликатуры, как важнейшего фактора автоматизма, общеизвестно. В процессе писания аппликатура позволяет определять точку прицела, чтобы затем уверенно произвести бросок пальца от клавиша к клавише. Своим требованием постоянства в использовании пальцев она создает благоприятные условия и для выработки точного ритма. Без аппликатуры ни один музыкант и ни один машинистец, даже самый плохой самоучка, не обходится. Несмотря на видимый внешний произвол в распределении пальцев у самоучек-машинистцев, фактически известный порядок использования пальцев, правда, индивидуально различный, у них существу-

ет, и это положение, мне приходилось уже доказывать¹⁾).

Разница между аппликатурой, установленной при десятипальцевом приеме, и аппликатурой самоучки заключается в том, что первую мы можем зафиксировать на диатрамме, заранее изучить и всегда представлять ее себе. В этом ее преимущество, позволяющее не деквалифицироваться при перерыве в работе в течение долгого времени.

Выработанная на практике аппликатура самоучки находится у него в области подсознания и выявляется в процессе работы на машине в виде уверенного письма, не лишая его приятного самообмана полной «свободы пальцев». Быструю деквалификацию самоучек-машинистцев, если не полностью, то в большой мере можно объяснить забывчивостью аппликатуры.

Чем же объяснить предложение Лян? Неужели столь крупный исследователь не учел важного значения аппликатуры или даже вовсе не подозревал о существовании ее у машинистцев-самоучек? Нет, по-видимому, им руководило соображение, что в условиях отказа от заранее предначертанной аппликатуры, изучающий машинистец на практике лучше придет к возможности постоянного чередования рук или пальцев.

Уж не в интуитивном ли постижении более рациональной аппликатуры заключается секрет скорости писания? На этот вопрос может ответить только практика, в особенности нашей русской действительности. Но и здесь мы наталкиваемся на отрицательный ответ. Огромный процент из числа машинисток, оперирующих за машиной указательными и средними пальцами, едва достигает 2—3 ударов в секунду. Если же принять за среднее число движений в секунду—7 (Бехтерев), то дистанцию от достижений этих машинисток до нашей человеческой возможности следует признать огромной.

Правда, здесь мы имеем дело с самоучками, которые не могли учесть своевременных выводов науки и которые ничего не знали о теории жестов. Но и опытный преподаватель не в состоянии будет что-либо сделать в условиях интуиции.

1) См. мою статью «Против или за 10-пальцевый метод» в № 7 журн. «В. С. и М.» за 1928 г.

Итак, предложение отказаться от аппликатуры и от применения всех пальцев мы должны признать за ошибку, к которой, очевидно, привели Лян и его последователей мысль о мгновенности действия удара на клавишу и отсутствие аккордов в машинистической практике.

Мы, специалисты машинистки, не можем не приветствовать попытку ученых пролить свет на трудные вопросы машинистки и стремление их помочь нам разобраться в них, но право строить методику ее оставим за собой. Нельзя быть специалистом в двух областях, а всякая работа в данной области неспециалиста неизбежно окончится неудачей.

Наконец, нам остается разобраться в вопросе о методе «свободных пальцев», выдвинутом Лян. Если под методом «свободных пальцев» следует понимать только отказ от аппликатуры, то мы должны заявить, что с этим вопросом покончено. Если же под ним кроется и другой, более широкий смысл, указывающий на направление нашей методики в сторону учения Штейнгаузена, нам надо его приветствовать.

Как жаль, что в кругу машинистцев-практиков и педагогов мало распространено учение Штейнгаузена, очень важное и нужное для машинистки, а я, стесненный рамками журнальной статьи, к сожалению, не могу подробно познакомить с ним читателей. Более детальное и широкое знакомство теоретиков и практиков машинистки с его учением предохранило бы многих из них от ошибок.

Основной мыслью учения Штейнгаузена является требование отказа от всякого рода стеснений (фиксаций) нашего тела в процессе упражнения при выработке беглости пальцев, так как наше тело, говорящий он, предоставленное самому себе, наилучшим образом приспособляется к нужному движению: всегда безукоризненно верно производит отбор мышц, костей и пр., необходимых для участия в данном движении и в результате такого отбора мы получаем более уверенные и ловкие движения.

Не звучит ли метод «свободных пальцев» Лян призывом к отказу от прикрепления к клавишам исходной позиции всех пассивных (неударяющих) пальцев действующей руки в то время, когда один из пальцев той же руки наносит удар, или

к отказу от аналогичного приема, предписывающего оставление мизинцев неподвижными на Ф и Д?

Оба эти методические приема часто практикуются на курсах и усиленно рекомендуются всеми учебниками. Цель приемов, по мнению их авторов, облегчить, в особенности на первых порах, изучение «слепого» метода. На деле же они являются грубейшей формой насилия над телом и, — связывая пальцы, служат только тормозом к достижению наиболее высокой степени беглости последних.

Я лучше знаю, где ставить запятую

Машинистка 1-го государственного часового завода, тов. Райнес, работает хорошо. Повидимому, так думает и администрация, недавно подписавшая в лице директора, тов. Владимирского, приказ о повышении ей (после 3-х месяцев работы) оклада с 85 до 100 руб.

Тов. Райнес думает, что ее хорошая квалификация заключается не только в том, что она довольно быстро и аккуратно печатает на машинке, но и в том, что она грамотна. Она хорошо помнит экспертизу на бирже труда, когда из данной ей заведомо неправильно составленной бумажки она должна была сделать грамотное письмо, могущее быть без стыда выпущенным из недр какого-либо учреждения.

Ей нравится это требование своей профессии — быть грамотной. Она, подобно тов. Харьковской (см. статью в этом № журнала) и другим сознательным работницам машинистки, не хочет быть только «придатком к пишущей машине», она хочет быть мыслящим работником, помогающим более ответственным, но порою менее грамотным товарищам.

Тов. Райнес считает, что машинистка должна быть грамотной при всех обстоятельствах и всегда отвечать за грамотность написанной ею бумаги, так же как счетовод всегда отвечает за правильность произведенного им подсчета цифр.

Но не все знают обязанности машинистки. Не все знают и свои обязанности. Однажды конторщик завода, тов. Спиридонов, диктовал тов. Райнес бумажку следующего содержания:

«Обращаю ваше внимание на возможность порчи импортного оборудования, упакованного в ящиках и находящихся на дворе»...

Машинистка прервала диктовку, заметив в тексте. Одно из двух: или нужно написать «находящегося», если это слово относится к «оборудованию» или нужно зачеркнуть ненужное «и», поставив вместо него запятую... Она сделала второе

Но тот, кто усмотрит в критике этих методических приемов повод к отказу от десятипальцевого приема, тот станет на неверный путь.

Современная методика машинистки по десятипальцевому методу имеет, с точки зрения учения Штейнгаузена, и еще ряд недочетов, кроме вышеуказанного, а потому нашей очередной задачей является перестройка ее в направлении, указываемом этим учением, а не отказ от десятипальцевого метода.

Взбешенный тем, что какал-то машинистка его, Спиридонова, поправляет, последний потребовал, чтобы она немедленно выбросила запятую, восстановив «и».

«Вы должны писать как вам приказывают», — ревел он. Тов. Райнес отказалась сделать неграмотное исправление. Тогда с криком: «Вы отказываетесь, значит, от диктовки», головотяп выхватил бумажку и понесся к директору.

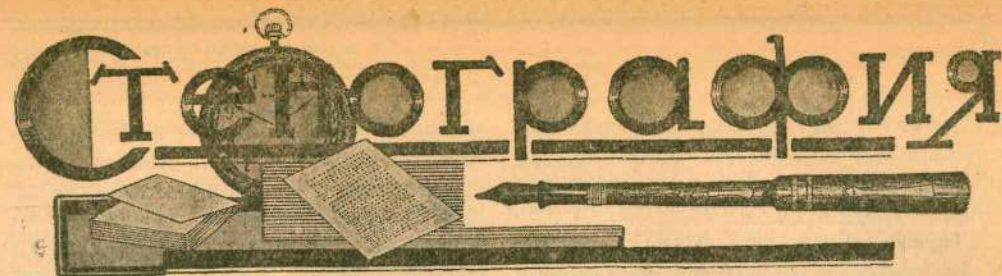
Тов. Владимирский не хотел зла тов. Райнес. Он знал, что она неплохая работница. Но, увы, директор, хорошо знакомый с работой рабочих-металлистов, плохо разбирался в обязанностях машинистки. Он тоже подумал, что машинистка должна писать так, как от нее требуют, а не так, как установлено законами орфографии и стилистики. Если бы рабочий отказался выполнить неправильное требование мастера, тов. Владимирский, вероятно, разобрался бы в этом. Но тут... Словом, тов. Владимирский подписал второй приказ о машинистке Райнес, но этот приказ по духу своему неожиданно противоречил первому. Он гласил:

«За отказ тов. Райнес от работы под диктовку вынести ей выговор с занесением в трудовой список».

Мы не сомневаемся, что директор скоро подпишет третий приказ, отменяющий второй, и затем неофициальным приказом разъяснит Спиридонову и подобным головотяпам (хотя вряд ли на заводе найдутся еще такие), чтобы они отвечали лишь за содержание составляемых ими писем, предоставив компетенцию в вопросе о форме и грамотности письма — машинистке. Им, правда, не возбраняется исправлять неграмотную машинистку и ставить вопрос о вынесении ей выговора и даже приказа об увольнении, если состояние ее грамотности — безнадежно.

Ибо машинистка, и именно она, в первую очередь должна знать, где ставить запятую!

Р. РУДНЕВА.



М. СИЧИКОВ

Пора созвать 2-ую всесоюзную конференцию стенографов

Вполне правильно в последнее время на страницах журнала заостряется вопрос о созыве всеукраинского и всесоюзного совещания стенографов. Необходимость проведения этих совещаний столь ясна, что аргументировать дальше значило бы ломиться в открытую дверь.

Нужно без длинных разговоров приняться за подготовку совещаний и возможно скорее, во всяком случае еще в 1930 году, их провести.

Каковы задачи всеукраинского совещания?

1) Всеукраинское совещание должно будет обсудить вопрос о стенографии на украинском языке, о разработке научных и методических основ в области украинской стенографии, о подготовке кадров украинских стенографов.

Мы, к сожалению, не имеем сведений о том, как обстоит дело со стенографированием на украинском языке в различных коллективах Украины. Товарищ, писавший в № 3—4 журнала о стенографировании без знания языка, о «новом», с позволения сказать, методе работы — памятью и прилизательностью — может быть, располагал материалами, позволяющими ему бросить столь тяжкое обвинение украинским стенографам. Мы, однако, думаем, что так обстоит дело далеко не везде. Киевский коллектив, например, такое обвинение категорически отбрасывает, вероятно от подобной оценки работы откажется и Харьковский и ряд других коллективов Украины. Но, конечно, в городах, где стенографов меньше, где самая украинизация проведена несколько слабее, чем в Киеве, Харькове и проч. — такое положение возможно.

Если не совсем верно огульное обвинение украинских стенографов в халтурни-

чанин, то обвинение в кустарничестве верно несомненно. До сих пор мы не имеем переработок для украинского языка наиболее распространенных систем, (если не считать двух переработок системы Габельсбергера, опубликованных несколько лет тому назад и не нашедших распространения).

Второй проблемой украинского совещания должен быть вопрос об унитарной системе. Не нужно забывать, что унитарная, которая сейчас разрабатывается, будет по существу унитарной для РСФСР. Немедленно по выработке ее встанет вопрос, как быть на Украине, в Белоруссии и др. нац. республиках. Очевидно, в лучшем случае придется переработать русскую унитарную применительно к другим языкам. Кстати, при принятии унитарной, это обстоятельство нужно учесть и избрать такую систему, которая допускала бы легкую переработку ее для языков, сходных с русским. Мы не рискуем делать никаких утверждений, но нам кажется, что наиболее благоприятной для перехода на другие языки является слуховая система.

На совещании должны быть проработаны и организационные вопросы, тесно связанные с задачами правильной подготовки и правильного использования стенографических кадров. Так, мы до сих пор не имеем постановления НКТ УССР о создании бюро стенографов, ведающего посылкой стенографов на работу. Не имеем потому, что некому вообще такие вопросы двигать, хотя соответствующая директива НКТ СССР была дана еще летом 1928 г. Нужно, чтобы кто-то занялся вопросами, имеющими значение для всех украинских коллективов стенографов. Необходимо наладить связь между этими коллективами, обмен производственным опытом и т. д.

Нужно обсудить и вопрос о формах организации стенографов (см. статьи в журнале о необходимости создания объединений типа ОРУ).

Наконец, совещание должно подумать о целесообразности создания украинского журнала стенографов или, по крайней мере, украинского уголка во всесоюзном журнале.

Таковы, нам кажется, основные вопросы повестки дня всеукраинского совещания.

**

Таким же совещаниям нужно провести и по другим республикам и затем создать всесоюзное совещание или, еще лучше, вторую всесоюзную конференцию стенографов.

Эта вторая конференция должна будет сыграть роль не меньшую, а пожалуй большую, чем первая, давшая, несомненно, серьезнейший толчок всему делу стенографии в СССР.

Всесоюзная конференция должна будет подытожить опыт совещаний по отдельным республикам, обсудить следующие вопросы:

1) Об унитарной системе. Надо надеяться, что конференция будет иметь уже воз-

можность принять окончательно проработанную систему.

2) О формах объединения стенографов.

3) О путях внедрения стенографии уже не только в совещания, а и в школу и во всю жизнь; о мероприятиях, которые для этого необходимо осуществить.

4) О мерах для усиления научной работы в области стенографии.

5) О работе журнала.

**

На страницах журнала необходимо развернуть широкую дискуссию по вопросам порядка совещаний и всесоюзной конференции.

Редакция журнала должна взять на себя роль организатора этого дела, роль штаба по подготовке совещаний и конференций.

Вопрос о целесообразности созыва совещаний и конференций и о повестке их надо обсудить на общегородских собраниях стенографов. Решения этих собраний, а также дискуссия, которая пойдет на страницах журнала, послужат материалом для постановки вопроса о созыве совещаний и конференций стенографов в соответствующих организациях.

Киев.

Проф. Л. ЖИРКОВ

Русские системы стенографии

(Продолжение)¹⁾

А. Гильдебранд. — Самосучитель слуховой стенографии по системе Терне-Гильдебранд. Изд. Моск. Научн. Стеногр. Об-ва. Москва, 1927. (с атласом таблиц).

Система Гильдебранда в основном очень тесно примыкает к своему первообразу — Терне. Она, однако, вводит довольно смело новые, не бывшие у первого изобретателя, детали, направленные к тому, чтобы сделать начертания более графичными. В этом смысле, в лагере «тернистов» она является, пожалуй, наиболее прогрессивным явлением.

Осуществление слухового принципа письма у Гильдебранда такое же, как у Терне, — возможно полное осуществление фонетизма, но без учета фонем речи. Во времена Терне понятие фонемы не было еще известно. Звуки речи осознавались только, как элементы индивидуального говорения, но не как элементы в цепи социальной коммуникации. С точки зрения индивидуального говорения — таких элементов множество и множество способов их соче-

тания. С точки зрения социальной коммуникации — таких элементов ограниченное конечное число в языке каждого народа и ограниченное конечное число их сочетаний. Сокращение записи по слуховому способу выбрасыванием всех редуцированных элементов при подходе от индивидуального говорения не поддается стандартизации, или поддается ей лишь с трудом и путем внесения разных обходных путей. Стандартизация возможна только при подходе от социальной коммуникации. Для этой стандартизации должны быть изучены социально-приемлемые, т.е. не нарушающие понимания пределы возможных слуховых сокращений, на основе редукции звуков, наблюдаемой во всех формах данного языка. Эта работа еще не сделана, и она не может быть сделана силами только одних стенографов. Вот чем объясняется та известная половинчатость, которая наблюдается в осуществлении верного в основе слухового принципа Терне пока во всех системах, к нему примыкающих. В современном состоянии этих систем, в том числе и у Гильдебранда, многое еще связано

не с фонемами речи, а с буквами орфографического письма. Сказанным определяется положение системы Гильдебранда среди русских стенографических систем.

Зависимость Гильдебранда от орфографического письма сказывается в двух фактах, из которых первый может быть всецело, а второй — до некоторой степени оправдан тем положением, что система стенографического письма никогда ни в чем не должна быть сложнее системы обыкновенного письма.

Первый из указанных фактов — отсутствие постоянного выражения палатализации (смягчения) согласных. В этом отношении принята та же система переноса обозначения мягкости согласного на последующий гласный, хотя есть и несколько мягких согласных. Это вполне правильно. Хуже обстоит дело с непризнанием *j* (й), как согласного звука. Стенографический знак для него следовало бы ввести на равных правах со всеми остальными согласными, и, в связи с этим, следовало бы произвестить последовательно и решительно и все вытекающие из этого перемены. Это привело бы к устранению необходимости отдельного обозначения для *e*, *я*, *ю*, упростило бы систему и сделало бы **слуховую** стенографию более последовательной.

Второй факт — отсутствие особого знака для редуцированных гласных. Всякий редуцированный гласный в слуховой стенографии приравнивается нулю, отсутствию гласного. При необходимости выписать все гласные в слове они выписываются теми же буквами, как в орфографическом письме.

Первоначально Терне, увлеченный своим открытием слухового принципа письма, заимствовал алфавит у Штольце, некритично перенес его из немецкого языка в русский. Он поступил в этом отношении точно так же, как русские габельсберггерманцы. Алфавит Габельсбергера имел преимущество графического разнообразия, алфавит Штольце — строгой систематичности. Эта систематичность осталась и в алфавите Терне и является его крупнейшим достоинством. Она перешла в неприкосновенности и к Гильдебранду. Наоборот, графические качества алфавита Штольце среди других стенографических алфавитов — невысоки; знаки не очень застрахованы от деформации. Алфавит согласных систематизирован по принципу физиологической классификации их: пары глухих и звонких согласных получили одинаковые по форме, но различные по величине знаки.

Кроме основного алфавита согласных, имеется в системе еще **дополнительный** алфавит согласных. Его назначение — дать возможность получить более графичные начертания в сочетаниях букв основного и дополнительного алфавитов. Для слуховой системы этот пункт особенно важен; при пропуске неударных гласных многообразие сочетаний стоящих рядом согласных увеличивается. Если обходиться только

одними знаками основного алфавита, то легко создается та знаменитая «лестница», которой часто попрекают неслуховики слуховиков, и от которой слуховики достаточно страдают и без их попреков. Избежать этой лестницы именно и можно путем предоставления ряда добавочных, легко сочетаемых знаков. В дополнительном алфавите знаков меньше, чем в основном, потому что дополнительные знаки едины для каждой пары глухих и звонких согласных (т.е. **б**, **п** обозначаются одним знаком, также **в**, **ф**, также **д**, **т**, и т. д.).

Несколько знаков для палатализованных (мягких) согласных примыкают по своей форме к дополнительному алфавиту. Два из этих знаков (**сь** и **тьт**) в начале слов используются для обозначения долгих, хотя бы и не мягких согласных (**сс**, **зз**, **тт**, **дд**).

Помимо таких сочетаний согласных, которые непосредственно выводятся из соединения отдельных букв, в системе имеются некоторые символические приемы выражения согласных видоизменением форм других согласных, соединенных с ними. Имеются и некоторые вполне произвольные знаки. Из числа символических приемов упомянем: 1) прибавление петли внизу обозначает **+ т**, **д**; 2) превращение буквы в полумерную соответствующей формы обозначает **+ н**; 3) расширение верхнего поворота буквы обозначает предшествующие **с**, **з**; 4) особый тип сочетания со знаками **р**, **л** обозначает присутствие после них **н**.

Вокализация системы целиком основана на символическом выражении ударного гласного каждого слова (другие гласные, как правило, не выражаются) приемами, в свое время введенными Штольце, т.е. использованием нажима на согласной букве и ее положения относительно строки. Проводится это вполне последовательно: нажимается, повышается или понижается предшествующая гласному согласная буква. Кроме того, имеются особые знаки для конечных и начальных гласных. В сочетаниях двух гласных пропускается, в строгом соответствии со слуховым принципом, та, которая больше редуцируется.

Очень хорошо в системе, что почти все приставки просто увязываются с более простыми элементами письма (буквами и их сочетаниями) и поэтому легко запоминаются. Отстают от этого только приставка **под-**, и сложная приставка **безраз-**.

Знаки окончаний доведены до максимального упрощения, что согласуется с сильной редукцией звуков, которая в окончаниях часто наблюдается.

В системе, наряду со всеми другими системами, имеются условные сокращения местоимений, наречий и проч., но нет условно-сокращенных именных и глагольных корней. Правильное владение слуховым методом письма, предполагается, издает стенограф от изучения стандартных сокращений.

^{*)} См. №№ 11—12 и 13—14.

взгляда поражает простотой своей теории. Представители других, более сложных систем указывают на то, что эта простота только кажущаяся, что она не дает при выписывании слов той определенности, которой, якобы, отличаются другие системы. На самом деле положение вещей иное. С одной стороны, система Соколова вовсе не так проста, какой она является на первый взгляд (если принять в расчет все сократительные речеписные приемы), с другой стороны, система Соколова в отношении определенности и читаемости записи стоит наравне со всякой другой стенографической системой.

Первоначальный смысл работы Соколова в русской стенографии заключался в том, что он сделал попытку создать возможность стенографической записи русской речи посредством одного неизменного алфавита согласных и всегда неизменной **штриховой** вокализации. Нажим совершенно не применялся. Позиция знака по отношению к строке была использована только в самых редких случаях — при условных сокращениях часто встречающихся слов. От этой наиболее простой стадии система развивалась в направлении к большей сложности, всегда, впрочем, оставаясь несколько проще других. Когда наступила стадия работы над русской унитарной, изобретатель дал последнюю переработку с установкой на массовую общепринятую с простой теорией. При этом в систему для обозначения гласного был допущен нажим предшествующего согласного, который раньше оставался у Соколова ни для чего не использованным.

В построении алфавита согласных этой системы проглядывает стремление, хотя бы в ущерб систематичности, удовлетворить двум требованиям: 1) совершенно не вводить в основной алфавит знаков, подверженных деформации при ускоренном письме, и 2) распределить знаки так, чтобы самые легкие по начертанию из них выпали на долю наиболее часто встречающихся звуков. В интересах второго требования изобретатель не боялся при всех переработках системы радикально менять порядок алфавитных знаков.

Сочетания согласных, как общее правило, составляются или непосредственным соединением согласных друг с другом, или путем применения между ними очень крат-

кой (короче всякой гласной) волосной соединительной линии. В интересах скорописности, кроме того, ряд сочетаний согласных выражается самостоятельными знаками. Всего таких самостоятельных знаков около 20.

Выражение гласных очень просто. Бывшая ранее чисто штриховой, вокализация Соколова в нынешней переработке перешла к символическому выражению гласных. Звук **а** выражается **нажимом** предшествующей согласной при нормальной соединительной черте к следующей букве. Звук **е** — нормальной соединительной чертой. Звук **у** — **удлиненной** соединительной чертой. Звук **и** — **поднятием** на полмеры следующей буквы. Звук **о** — **опущением** на полмеры следующей буквы. Поднятие буквы при удлинении соединительной черты дает **ы**. Звуки **а** и **у** после мягких согласных (орфографические **я, ю**) не отличаются от обозначений **а** и **у** после твердых, т. е. мягкость согласного не выражается.

Штриховой алфавит гласных, все-же, сохранен в системе. Эти гласные применяются в начале и в конце слов. Кроме того, четыре добавочных гласных знака (**а, е, ю, я**) пользуются для выражения второго гласного в сочетаниях гласных. Наконец сочетание **ор** в некоторых случаях выражается особым положением знака **р**.

В построении приставок и окончаний система Соколова идет теми же путями, как и в построении алфавита, стремясь к максимальной графичности и несколько пренебрегая систематичностью и связью даваемых форм с основными знаками алфавита.

Система Соколова совершенно не настаивает на необходимости обозначать всегда подударный гласный. Невыражение редуцирующихся в быстрой речи звуков рекомендуется, но стандартизованы эти пропуски только в пределах приставок и окончаний.

В систему введено некоторое количество условно-сокращенных обозначений наиболее употребительных именных и глагольных корней. Применение их, в той же мере, как и в других системах, необходимо, ибо только при них достигается необходимая для записи речи краткость начертания.

Изучение теории по системе Соколова **легче**, чем по какой либо другой из русских систем стенографии.

Система Лапекина

Рукописный конспект системы Лапекина содержится в учебном плане по преподаванию этой системы на Опытных курсах стенографии. По материалу этого конспекта и дана дальнейшая характеристика.

Система Лапекина представляет собой интересную, очень виртуозную систему, разработанную с учетом особенностей русского языка. Основной идеей при разработке системы, повидимому, являлось: дать длинным и сложным по составу словам русского языка предельно краткие начертания. Идея эта обща группе трех русских систем последнего времени — Бурлакова, Лапекина, Фалеева. Ради достижения предельной краткости все эти три изобретателя не останавливались перед осложнением теории, хотя никто из них не дошел в этом отношении до той хаотичности правил письма, которая характеризует систему Габельсбергера. Эти виртуозно-краткие системы самым широким образом используют и нажим, и позицию по отношению к строке (Лапекин и Фалеев), и волосную черту (Бурлаков). Но используют они все эти приемы не для того, для чего ими пользовались старые системы со времен Габельсбергера и Штольце, — не для вокализации, а для символического выражения согласных в сочетаниях. Руководящим соображением при этом служат то, что длинные слова могут читаться без гласных; следовательно гласные надо пропускать; следовательно надо дать большую простоту в сочетаниях рядом стоящих согласных. Надо сделать так, чтобы сочетание согласных писалось таким же простым штрихом, каким в других системах пишется отдельный согласный.

Что касается, в частности, системы Лапекина — все в ней подчинено только что указанному соображению.

Алфавит согласных совершенно своеобразен и не стоит ни под чьим влиянием. Передача **щ** совершенно правильно делается по принципу сочетаний (**щ — сч**). Для **ж** имеются два знака, употребляющихся каждый в определенных случаях. Три знака — (**п, с, к**) могут изменять свое положение и свой внешний вид в зависимости от соседних знаков. Это позволило вывести из знака **п** последовательно всю группу русских приставок, начинающихся с этого звука.

Ничего не значащей соединительной волосной черты в системе Лапекина нет, что позволяет трактовать эту систему, как

синтез, завершающий развитие геометрального и графического принципов начертания. При отсутствии соединительной черты и при остроумно подобранных алфавитных формах букв, многие сочетания согласных получаются просто выполнением второго согласного после первого. Кроме того, имеется символизация согласных следующими приемами: 1) нажим на согласной букве обозначает предшествующее этой букве **с**; 2) увеличение буквы (в основном алфавите с этой целью нет двумерных букв) — предшествующее **н**; 3) поднятие над строкой — последующее, а в некоторых случаях и предшествующее **в**; 4) петля, наложенная на букву с нижним закруглением, — последующее **м**. Все эти символические приемы великолепно действуют в системе, давая, при пропуске гласных, очень краткие начертания.

Вокализация системы — штриховая. Для **и** и **у** имеются по два знака. Система определенно требует из гласных **сохранить в каждом слове подударный**, начальный и конечный в том случае, если он выражает важную для точного понимания грамматическую форму. Признавая также необходимость выпускать из записи редуцируемые согласные, система Лапекина является тем самым в полном смысле слова **слуховой** стенографией.

Система допускает диакритические знаки, которые пишутся с отрывом руки в определенном месте около слова. Этими знаками изображается **й** и мягкость согласного (в том числе и там, где орфографически пишутся буквы **я, ю**). Непосредственно знаком мягкости отличается и звук **ы** от **и**.

Приставки системы Лапекина, все без исключения, выводятся из основных знаков алфавита, стандартизуясь в обязательных приемах выполнения. Связь с буквами основного алфавита достаточно очевидна и понятна всякому, изучающему систему.

Про окончания можно в общем сказать то же самое, но при этом надо помнить, что в стандартизованных их формах гласные исчезают и все подчинено выражению согласных в предельно-краткой форме. От этого слово, стоящее вне контекста, может быть не понято, благодаря именно этой краткости; но стенография Лапекина все свои приемы ориентирует к одной цели — к записи речевого контекста — и не боится пропускать все те элементы речи, которые понятны из контекста.

Основной алфавит согласных Липецкина

з	л	с	ч	и	
к	в	т	п	р	б
д		ш	ж	о	
н	г	е	ь		

Варианты согласных Липецкина

п с к ш ж

Некоторые сочетания согласных у Липецкина

Здт (кт) рзв вл тл мл вл сд бр ср ин ча

Символизация согласных у Липецкина

О* з е (сет) свл ж в з в в :

Символизация и м у Липецкина

л (л) ш (л с л ш) тл - три ш - три

Гласные Липецкина

Начальные / / / / /

Средние: / / / / / Дополнительные:

Конечные: / / / / / ? ?

Диакритические знаки Липецкина

л л' ш ш' з з' и и'

Система Фалеева

Конспект лекций по стенографической системе Н. И. Фалеева (Печатное издание с типографского набора, без указания года и места издания. Таблица №№ 1—9).

О системе Фалеева, которая генетически развилась из школы Липецкина, пришлось бы многое повторить из того, что сказано было про систему Липецкина. В истории русской стенографии обе эти системы образуют отдельную группу, объединяемую общими стремлениями. Несмотря на это, нельзя смотреть на отношение между системами Липецкина и Фалеева теми же глазами, как на отношение между собою, скажем, двух переработок Габельсбергера или Терне. В нынешнем виде ни про одну деталь системы Фалеева нельзя сказать, что она «заимствована» у Липецкина. Система Фалеева представляется вполне оригинальной и столь же виртуозной работой, как и работа его предшественника.

Система Фалеева, повидимому, несколько сложнее по своей теории, чем система Липецкина. Эта большая усложненность объясняется тем, что большее количество согласных основного алфавита имеет по два знака, в разных сочетаниях дающих различные графические удобства. Двумерных знаков в основном алфавите нет, но уже здесь — в алфавите — использовано положение знака относительно строки: пять знаков, будучи опущены под строку, выражают иные звуки, чем те, которые ими обозначаются на строке (опущенные: ц, ш, щ, ч, х — на строке: г, б, т, п, д). Вводя уже здесь использование строки, и далее всюду строго проводя позиционные различия, система эта не должна бояться незначительной соединительной линии: И она действительно ее не избегает (напр. при соединении начальных согласных с увеличенным для символизации р последующим знаком).

Система имеет особые начальные согласные в числе восьми (м, п, б, ф, в, т, ж, и). К ним присоединяется три начальных сочетания (вг, пу-, ну-). Все эти знаки графически построены в характере приставок, рассчитанных на удобство начертания в начале слова. О приставках поэтому можно сказать здесь же — их всего около сорока. Как в начальных согласных, так и в приставках не использован нажим, но самым широким образом использована позиция в четырех ступенях: 1) над строкой (т, об и пр.); 2) на строке (б, по — и пр.); 3) под строкой непосредственно (м, про — и пр.); 4) ниже строки (пере —, она же пре —, взаим — и пр.).

Богата система приемами, символизирующими согласные в сочетаниях, при чем нажим обозначает предшествующее с, увеличение знака — последующее р, а подъем — последующее п. Комбинации этих приемов дают: нажим и увеличение — с+согл.+р; нажим и подъем — согл.+с+п; нажим,

подъем и увеличение — согл.+с+п+р. Наконец вначале слова возможен подъем и уменьшение знака основного алфавита, что дает: согл.+н.

Вследствие того, что обычно звук с выражается символически алфавитные знаки его применяются только в некоторых определенных случаях, и это дало повод изобретателю, регламентируя их потребление, дать ряд кратких начертаний, связанных со звуком с. Тоже сделано и в отношении з, хотя здесь мотивом была, повидимому, только аналогия со знаком с.

Подобно с и алфавитный знак р имеет стандартизованное употребление в начале слов, с символизацией как нажимом, так и позицией ряда приставок. При этом положение р ниже строки символизирует уже вокализацию, именно присутствие после р сочетания двух гласных (в конспекте Фалеева ошибочно названо «дифтонг»). Сочетание гласных такой же позицией ниже строки может быть символически выражено также после д, л, з. Имеется и еще несколько символизаций различными приемами (дм, дп, жд, лд, срд, слд).

Нет сомнения, что эти части теории системы — труднейшие для изучения. Для пяти или шести согласных ряды символических обозначений нужно изучать для каждого в отдельности. Во имя большой графичности и максимальной краткости начертаний Фалеев здесь определенно пренебрег простотой теории.

Символизация согласных играет у Фалеева такую большую роль, что мы должны были о ней говорить прежде, чем о гласных. Переходим к этим последним.

Помимо основных знаков гласных имеются отдельно начальные гласные (для а, е, и, о, у). Звук ы отлично от и может быть выражен только в конце слова. Любопытно обозначение гласных в конце слова, где они выражаются разной длиной и разным направлением волосной линии (для а, и, е иначе, чем в начале слова). Сочетания гласных вначале выписываются начальным и основным знаками, а в конце — конечным и основным. Наконец, гласные иногда нагружены даже обязанностью выражать последующий согласный, причем это делается не одинаково с согласными: 1) основной гласный, написанный с нажимом выражает последующее с; 2) позиция основного гласного на строке выражает последующее р; 3) позиция под строкой — последующее н.

Наконец, что касается окончаний и так называемых «конечных букв», — система Фалеева дает их общий счетом до 50. При этом чрезвычайно оригинально, и, кажется, очень удобно то, что позицией этих окончаний по отношению уже не к строке, а к последней написанной перед ними букве — можно, применяя в то же время при надобности и нажим, выразить многие согласные, стоящие перед окончанием. Эти

Множительные машины и аппараты

(Продолжение) ¹⁾

Множительные аппараты, работающие шаблонами, разделяются на следующие виды: 1) плоские аппараты и 2) ротаторы, а последние в свою очередь на ротаторы а) с одним барабаном и б) с двумя барабанами.

Плоские аппараты.

Действующая часть плоского аппарата, работающего шаблонами, состоит из доски, на которую накладываются листы бумаги, и рамки с натянутой на ней шелковой сеткой. Рама служит для закрепления в ней шаблона, а сетка для защиты шаблона от непосредственного давления печатающего валика. Составной частью аппарата является также печатающий валик и пластинка, на которую выливается краска.

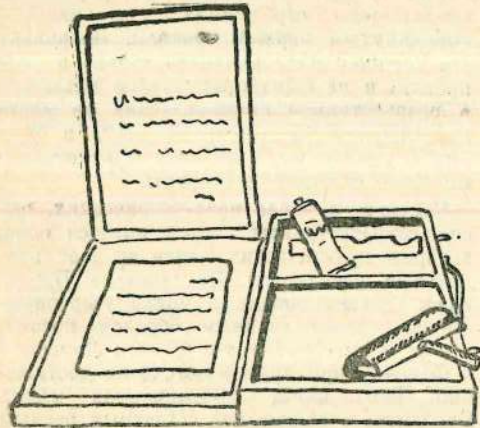


Рис. 1.

Все эти части помещаются в деревянном ящике.

Процесс печатания происходит следующим образом: шаблон закрепляется на рамке под сеткой лицевой стороной кверху и вместе с рамкой опускается на лист бумаги; далее валиком, принявшим на себя краску с пластинки, проводят по сетке. Краска проходит сквозь сетку на шаблон и далее сквозь прорезы в последнем на бумагу.

В простейших плоских аппаратах листы бумаги приходится накладывать и снимать

один за другим по мере напечатания, что существенно замедляет работу. Скорость работы на таких аппаратах находится в прямой зависимости от навыка работника.

В аппаратах более совершенной конструкции на доску для бумаги может быть положено сразу 200—300 листов чистой бумаги, что, естественно, значительно ускоряет работу. Еще более ускоряется работа при применении аппаратов с механической подачей краски на валик. Экономится время, уходящее на то, чтобы брать краску на валик, проводя им по пластинке, на которую вылита краска.

В некоторых аппаратах приспособление, подающее краску, находится внутри валика, в некоторых валик приключен к аппарату. При движении вперед до отказа, валик прокатывается по подушке, пропитанной краской, а при обратном движении валика краска наносится на шаблон.

В зависимости от конструкции аппарата и навыка лица, на нем работающего, аппарат может дать от 200 до 400 оттисков в час.

Печатание на этих аппаратах менее чем 100 экземпляров оттисков с одного оригинала обходится несколько дороже, чем печатание на аппаратах с массой, т. е. приходится нести дополнительные расходы на восковки или пленки, но при тиражах даже немного больших 100 оттисков эти расходы целиком окупаются экономией на времени и рабочей силе. Аппараты очень несложны по конструкции, устойчивы и дешевы.

Ротаторы с одним барабаном.

Переходным типом от плоских аппаратов к ротаторам являются сегментные множительные аппараты. Такой аппарат имеет вид обыкновенного пресс-папье (рис. 2). На выпуклую сторону сегмента наложена фланель, которая пропитывается краской. Заготовленный шаблон закрепляется на поверхности сегмента так же, как промокабельная бумага пресс-папье. Простейшие однобарабанные ротаторы (рис. 3) состоят из глухого барабана, по выпуклой стороне

которого приложена фленелевая подушка для краски. Шаблон прикрепляется сверху к крючкам и приклеивается к влажной окрашенной поверхности барабана. Бумага подается рукой. Из бо-

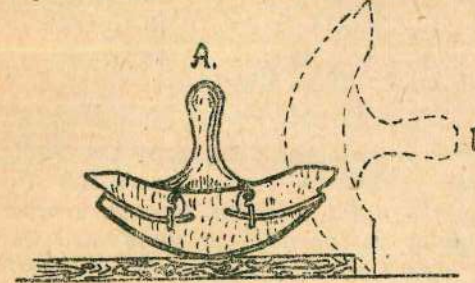


Рис. 2.

лее сложных однобарабанных ротаторов остановимся на Ундервуде (рис. 4). Этот аппарат состоит из барабана, обтянутого снаружи фланелью, но краска подается уже механически. Предварительное окрашивание фланели производится от руки кистью или щеткой, снаружи или изнутри барабана безразлично. В дальнейшем краска поступает из цилиндра с краской в трубку, которая одновременно является и осью барабана со щеткой из щетины. Краска из резервуара через трубку переходит на щетину, а с нее на фланель барабана. Простые ротаторные аппараты, даже без механической подачи краски, ускоряют процесс печатания по сравнению с печатанием на плоских аппаратах. Даже применяя наиболее совершенные плоские аппараты, приходится проводить валиком по шаблону и далее снимать рукой напечатанный оттиск, у ротатора же одним поворотом руки барабана, на который натянут шаблон, получается оттиск, который одновременно проводится с места по-

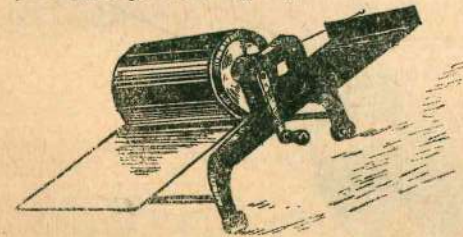


Рис. 3.

дачи листа в магазин, куда откладываются напечатанные оттиски (правая сторона рис. 3 и 4).

Ручной ротаторный аппарат с автоматической подачей краски дает до 1.500—1.800 оттисков в час.

Выше описаны только ручные однобарабанные ротаторы, но имеется также множество типовых, работающих электричеством и оборудованных приспособлениями для автоматической подачи бумаги.

Ниже описывается электрический ротатор автомат с двумя барабанами.

Следует сказать, что между электрическими ротаторами-автоматами с двумя или одним барабаном в смысле их производительности, устойчивости и цены разницы почти нет.

Ротаторы с двумя барабанами.

Все ротаторы с двумя барабанами сконструированы по одному принципу и отличаются только в деталях. Для примера остановимся на одном из наиболее усовершенствованных ротаторов «РОТО», ознакомление с которым даст ясное представление о множительных аппаратах этого типа.

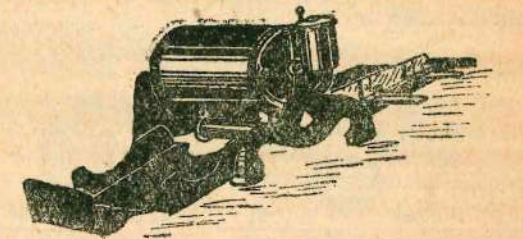


Рис. 4.

Печатающий механизм «РОТО» состоит из двух металлических цилиндров, сетки, к которой прикрепляется шаблон, валика между цилиндрами, на котором растирается краска, и резинового валика, прижимающего бумагу к шаблону. К машине может быть приключен аппарат, механически подающий бумагу в ротатор (рис. 5).

Процесс работы на «РОТО» происходит следующим образом.

Прежде всего поворачивают рукоятку до тех пор, пока на верхнем барабане не появится свободное пространство. Сюда, как показано на рисунке 6, наливается краска; затем рукоятку несколько раз поворачивают, краска с барабана переходит на внутренний валик, который ее растирает и передает равномерно на барабан. Шаблон прикрепляется на крючки сетки, помещающейся внутри верхнего барабана (рис. 7). Правой рукой слегка поворачивают направо рукоятку, а левой прижимают шаблон к сетке и шаблон прилипает к влажной, окрашенной (благодаря краске) сетке (рис. 8). Бумага подается вручную или специальным механизмом. Готовые

¹⁾ См. № 13—14.

оттиски выбрасываются машиной и укладываются в приемочной.

Машина имеет счетчик, отсчитывающий отпечатанные экземпляры. По окончании



Рис. 5.

печатания нужного количества экземпляров, он переводится на 0.

Машина работает как вручную, так и электрическим мотором.

Сложные ротаторные аппараты выгодно применять в тех случаях, когда необходимо в очень короткий срок получить массу оттисков. Выгодно также применять их в случаях необходимости быстро размножить даже 200—300 экземпляров документа объемом в несколько листов, принимая во внимание что 200—300 оттисков одного листа могут быть получены в несколько минут.

Для крупных учреждений, где приходится систематически изготовлять большое количество документов для массовой

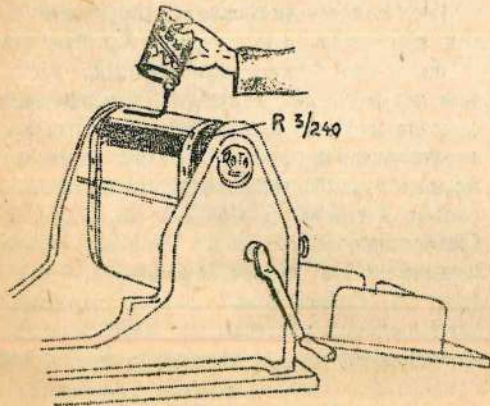


Рис. 6.

рассылки, рациональнее всего применять ротаторы с электрическим мотором, дающие до 5.000—6.000 оттисков в час с одного шаблона.

Следует указать, что ротаторы, даже простейшие, в СССР пока не изготавливаются и их приходится ввозить из-за границы.

Ормиг.

Особняком стоит сравнительно недавно сконструированная в Германии множительная машина «Ормиг», печатающая без краски и без шаблонов. Оригиналы печатаются на плотной, хорошего качества, бумаге. Оригиналы печатаются на машине, не через ленту, а через специальную копирующую бумагу (гектографическую), при чем эта бумага подкидывается красящей стороной к листу белой бумаги.

При печатании текста на пишущей машине на обратной стороне бумаги получается негативное изображение оригинала, с которого Ормиг дает от 100 до 150 экземпляров оттисков позитивов.

Ормиг состоит из барабана В, из которого укрепляется оригинал, смачивателя Г и прижимающего бумагу к барабану резинового валика (рис. 9).

Перед началом работы резервуар наполняет специальной жидкостью, которая постепенно по каплям через резиновую соединительную трубку проникает в смачиватель. Последний состоит из металлической коробки, наполненной войлоком и ватой. Бумага при пропуске ее через машину соприкасается с сырой поверхностью войлока и смачивается жидкостью, которая при соприкосновении с оригиналом раство-

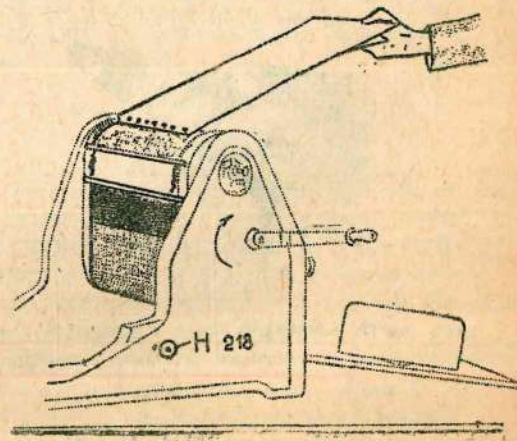


Рис. 7.

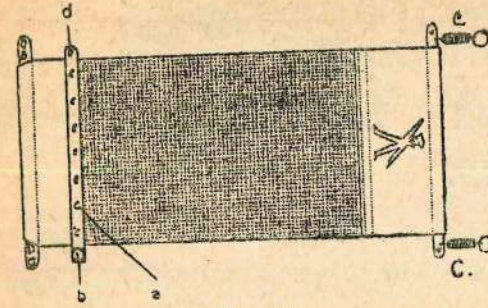


Рис. 8.

ряет гектографическую краску и дает отпечаток.

Процесс печатания очень прост. После того, как смачиватель пропитан жидкостью и оригинал укреплен на барабане, левой рукой подаются листы бумаги, а правой поворачивается рукоятка. К машине может быть прикреплен электрический мотор.

Небольшой Ормиг, так называемый «адресовальный», т. к. основное его назначение (хотя этим далеко не исчерпываются все возможности его использования, — см. ниже) печатать адреса на конвертах, построен по тому же принципу с той разницей, что оригинал не укрепляется на барабане (он небольшого диаметра, примерно, 5 сантиметров), а пропускается одновременно с конвертом (или бумагой), который на ходу смачивается между металлическим и резиновыми валиками (рис. 10).

Мы считали необходимым несколько подробнее становится на Ормиге потому,

что эта машина еще мало известна даже широким кругам рационализаторов, а между тем она по простоте своей конструкции, сравнительной дешевизне, возможности найти широкое применение и дешевизне самой работы на ней, несомненно заслуживает внимания. Например, адресовальный Ормиг (цена, примерно, 50 ам. дол.), кроме печатания адресов, размножает любые документы на бумаге и картоне до размера статьи, А5 включительно.

Он может иметь очень большое применение в учреждениях, где приходится размножать карточки на картоне в 5—6 и более экземплярах (напр., в библиотеках), изготовляя каждый экземпляр от руки или

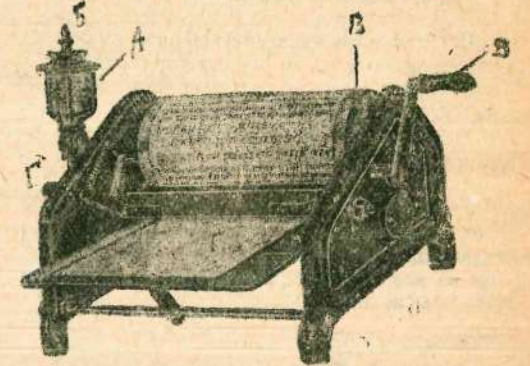


Рис. 9.

на машине. При применении Ормига, на машинке печатается только один оригинал, а нужное количество копий размножается буквально в несколько минут, что по огромному подсчету дает ускорение работы в 4—5 раз.

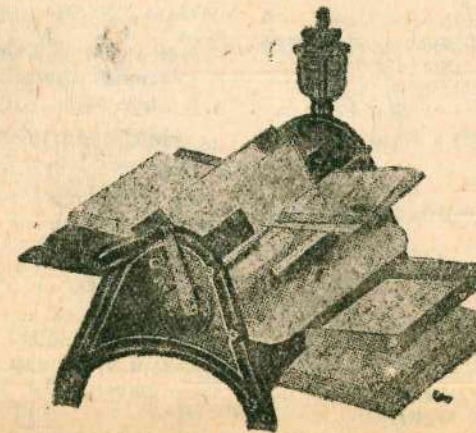


Рис. 10.



Чемпионы на 1930 г.

Бельгия.

На 5-м конгрессе союза стенографических и машинописных обществ Бельгии в Льеже состоялся конкурс на различные скорости по стенографии и машинописи.

Первый приз на стенографическом состязании в 180 слов в минуту (продолжительность состязания 5 минут) взяла парижанка И. Верстрепен (J. Verstrepen), 33 лет. Интересно, что чемпионка начала обучаться стенографии 7-ми лет, наряду с грамматикой. Знание стенографии ей очень помогало в школьных занятиях. Несколько лет м-ме Верстрепен была преподавателем стенографии, при чем диктовки на различные темы, которые она делала учащимся, и придумываемые ею для них

сокращения содействовали выработке у нее автоматизации.

Первый приз по письму на пишущей машине присужден Л. Буланже (L. Boulangier), сделавшей 8.478 ударов грунто, а за вычетом ошибок 7.618 ударов в течение 15 минут или 84.64 слова в минуту. М-ме Буланже также не является юной чемпионкой, это — женщина средних лет, второй раз уже берущая первенство Бельгии. В прошлом году, однако, она сделала всего лишь 7.086 ударов. Повышение скорости рекордсменка объясняет более простым текстом, напечатанным ясно на пишущей машине, в то время как в прошлом году текст переписывался из журнала. Кроме того, на этот раз конкурс происходил в ее родном городе Льеже и она не была утомлена поездкой. (Revue Stén. Belge)

Успехи машиннописи

Германия.

Немецкому представительству союза фабрикантов пишущих машин удалось убедить власти в необходимости ввести, в виде опыта, преподавание машиннописи в 4 начальных школы с тем, чтобы, в случае благоприятных результатов, провести эту меру во всех немецких школах. Единственным препятствием к проведению опыта до сих пор было отсутствие средств. Но нужно надеяться, что вопрос о средствах будет быстро разрешен, принимая во внимание ту большую пользу для страны, которую принесет знание машиннописи каждым оканчивающим школу. (Typewriters Topics).

Машиннопись на военных кораблях

Соединенные Штаты.

Американское мореплавание употребляет на своих военных кораблях больше 5.000 пишущих машин. Больше 17.000 человек экипажа, офицеры и матросы, пользуются пишущими машинками для своей личной корреспонденции. (Gregg Writer).

Прогресс техники машиннописи

Соединенные Штаты.

Изучая длинный список американских чемпионов машиннописи, начиная с 1905 года, — год первого конкурса по машиннописи в Нью-Йорке, — можно установить интересный факт: скорость письма на пишущей машине за это время возросла вдвое.

В 1905 г. первый чемпион достиг 70-ти слов нетто в минуту. В то время испытание длилось полчаса и сбрасывание 10 слов за каждую ошибку еще не практиковалось. В 1929 г. чемпион Георг Госсфильд достиг 135 слов в минуту нетто, исключая сброшенные удары за ошибки, и работал в течение часа. (Gregg Writer).

Недостаток преподавателей

Италия.

Из 375 кандидатов, записавшихся в 10 городах Италии на испытание для получения звания преподавателя стенографии, явилось 333 человека и из них прошли испытание 101. Таким образом, очень большое количество кандидатов показало свою неподготовленность или по общеобразовательным предметам, или по теории и практике стенографии (Revue Stén. Belge).

Пер. Р. В.

Наша консультация

О заочном обучении стенографии.

Вопрос: Почему в № 7—8 журнала указано, что курсов заочной стенографии в СССР нет, в то время как такие курсы уже несколько лет существуют в Ростове и Д...
б. курсы «Полиглот», а ныне Гос. институт практических знаний.

Ответ: Редакция намеренно не указывала на заочное преподавание стенографии б. курсами «Полиглот», так как это преподавание велось, несмотря на запрещение Главпрофобра РСФСР и протесты ЦК союза СТС и н/журнала. Все эти организации справедливо считали, что заочное обучение стенографии, как дело мало изученное, дающее небольшие практические результаты, ни в коем случае не должно находиться в руках частного (каким являлись курсы «Полиглот») и служить источником для выманивания денег у трудящихся без всякого учета возможности для них заочного обучения стенографии. Поскольку в настоящее время эти курсы (не без влияния заметки, помещенной в н/журнале) стали государственными, — заочное обучение там должно быть оставлено, но после некоторой реорганизации этого дела.

Вопрос: Является ли нормальным прохождение теории стенографии в 3½ месяца и достижение скорости в 25 слов в минуту незнакомого текста и 35—40 слов знакомого — после 4½ месяцев заочного обучения стенографии.

Ответ: Указанные Вами успехи нужно считать вполне нормальными даже для заочного обучения стенографии, а для заочного — хорошими.

Об отпусках.

Вопрос: Кто из стенографов имеет право на месячный отпуск?

Ответ: В постановлении НКТ СССР от 5/IX 1925 г. за № 232/388 указано, что на дополнительный двухнедельный отпуск имеют право стенографы, систематически занятые записью заседаний, лекций и т. п. длительных работ.

Стенографы со смешанным характером работы (запись под диктовку, а иногда заседаний) могут ставить вопрос перед администрацией или перед РКК о предоставлении им одной недели дополнительного отпуска.

О нормах выработки и оплаты.

Вопрос: Какая норма выработки установлена для машинистки с 8-часовым рабочим днем.

Ответ: Единые нормы выработки для машинисток не установлены, так как нормы зависят от условий работы (помещение, оборудование, состояние пишущей машинки и т. п.). Примерная средняя норма выработки машинистки 1-го разряда — 4 страницы печатного или ясного рукописного текста в час. В оборудованном машбюро эта норма, большей частью превышает.

Вопрос: Существуют ли нормы оплаты сделанной машиннописной работы (стоимость печатного листа, оплачиваются ли копии).

Ответ: Нормы оплаты не установлены, но в Москве практикуется оплата в размер: 1 р. — лист с печатного текста, 1 р. 25 к. — с рукописного, 1 р. 50 к. — 2 р. лист — цифровые таблицы и т. д. За каждую копию сверх трех взимается 10 коп.

Об учебниках.

Вопрос: Когда будет выпущен учебник по унитарной стенографии.

Ответ: Наркомпрос предполагает издать учебник в течение зимы 1930—31 г.

Редакционная коллегия: { Р. Венсман, Виентьев, А. Тихомирова, Д. Шепилов, П. Уралов, Н. Фалеев.

Ответственный редактор Д. Шепилов. Издатель „Техника Управления“.

Отпечатано в 7-й тип. „Искра Революции“ Мосполиграфа. Арбат, Филипповский, 13.

Мособлит № 16.920.

З. Т. 2186.

Тираж 5.000.

Ст. А. Б5—176×250 мм 2 1/2 п. л.

42903

Издательство
„ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“

Москва, Центр, Ильинка, Рыбный пер., 2, пом. 28

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ НОВИНКИ:

Е. Ф. Роамирович

Методология и практика техники управления

306 стр. Ц. 4 р. 25 к.

В. Ледер

Социалистическая рационализация и рационализация капиталистическая

111 стр. Ц. 70 к.

Директивы по рационализации производства

Сборник официальных материалов составил З. Бронштейн. 2-е изд.

286 стр. Ц. 80 к.

Рационализация и борьба с потерями в промышленности

Материалы Всесоюзной Конференции в июне 1930 г.

40 стр. Ц. 17 к.

Основные директивы по рационализации учреждений

Составил Вл. Мейльман

110 стр. Ц. 75 к.

Инж. П. Файнглус

Вариационная статистика для рационализаторов и нормировщиков

132 стр. Ц. 1 р. 55 к.

Инж. Н. Кочергин

Энергетическое хозяйство

Конспект лекций

135 стр. Ц. 1 р. 40 к.

В. Коржинский

Регенерация отработанных смазочных масел

Практическое руководство

48 стр. Ц. 55 к.

(Издано во исполнение заказа ВСНХ СССР за № 1758)

Г. Гукасян

Вспомогательные столярные и малярные работы

56 стр. Ц. 38 к.

Д. Малиник

Новое в строительной практике

48 стр. Ц. 30 к.

Л. Полонский

Графоаналитический метод изготовления фасонных частей воздуходузов

24 стр. Ц. 30 к.

„Библиотека Всесоюзного О-ва Рационализаторов Строительства при НКРКИ СССР“

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Изд-ству „ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“
Москва, Ц. Ильинка, Рыбный пер., 2,
пом. 28. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: Ленинград—Сев.-Зап. Представительство
Изд-ства „ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ“—
ул. Герцена, 11. Харьков—ГИЗ РСФСР—
Сергиевская пл., 3. Ростов-Дон—„Орг-
строй“—ул. Энгельса, 71. Свердловск—
„Оргстрой“—ул. Ленина, 40. Тифлис—
„Оргстрой“—Исполкомовская, 2. Киев—
„Оргстрой“—улица Воровского, 38.
Минск—„Оргстрой“—Советская, 55.
Сталино—„Оргстрой“—ул. Артема, 47.
Наложенным платежом книги высылают мага-
зин Изд-ства—Москва, Кузнецкий Мост, 20

**СТЕНОГРАФИЯ
И МАШИНОПИСЬ**



№ 17-18

1930.

МОСКВА

